

014

27315

150

**АСКОЛЬДОВА
МОГИЛА.**

ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕНЬ

ВЛАДИМИРА ПЕРВАГО.

ДВОУДЛОУДА

АДНОУ

ПОУУУ

УУУУУ

УУУУУУУУУУУУ

БИБЛИОТЕКА
Бар. Мейендорфа.

А С К О Л Ъ Д О В А

МОГИЛА.

П О В Ъ С Т Ъ

ВРЕМЕНЪ

ВЛАДИМИРА ПЕРВАГО.

84P1
3-14

Сочиненіе М. Загоскина.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!

А. Пушкинъ.

Часть первая.

МОСКВА.

Въ типографіи Н. Степанова.

1833.

А. С. ПЕТРОВ

МОСКВА

1853

ИЗДАТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, что бы по оппечатаваніи, до выпуска
изъ Типографіи, предспавлены были въ Ценсур-
ный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 1853
года, Августа 25 дня.

Цензоръ *Левъ Цыганевъ.*

24315

Читальный зал

Областная
юношеская
библиотека
г. Свердловск

...

Можеть быть, многимъ изъ чинапелей моихъ не понравится фанатической характеръ и буйныя рѣчи одного изъ дѣйствующихъ лицъ сего романа, которое, подъ именемъ Неизвѣстнаго, появляется въ первой главѣ; въ такомъ случаѣ я покорнѣйше прошу ихъ, не произнося рѣшительнаго приговора, чинапель до конца мою повѣсть, или, если эпю требование покажется имъ слишкомъ нескромнымъ, прочесть, по крайней мѣрѣ, 7-ю главу впо-раго тома.

Я не смѣю предполагать, чпобъ кто нибудь изъ моихъ чинапелей не зналъ отечественной Исторіи; но легко быть можеть, не всякой помнить, чпо гово-

рять Лѣтописцы о Владимірѣ, когда онъ былъ еще язычникомъ; а посему не излишнимъ полагаю приложить здѣсь, на всякой случай, двѣ выписки: одну изъ Исторіи Государства Россійскаго, Г. Карамзина, а другую изъ жишій Свяшыхъ, собранныхъ знаменитымъ нашимъ Чудотворцемъ и Свяшпелемъ, Димитріемъ Ростовскимъ.

» Бывъ въ языцествѣ мстителемъ свирпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ, воиномъ кровожаднымъ и, что всего ужаснѣе, братоубійцею, Владимірѣ, наставленный въ челолюбивыхъ правилахъ христіанства, боялся уже проливать кровь своихъ злодѣевъ и враговъ отечества. «

Истор. госуд. россійск. том. I. стр. 231.

» И живяше онъ (Владимірѣ) прескверно, въ идолопоклонническомъ заблужденіи сущи. О семъ же житіи Владиміровою, бывшемъ въ невѣдѣніи Бога

*и въ нечестіи, о братоубійствѣ и кровопролитіяхъ, о храбрости и многихъ бра-
няхъ, о бѣгослужительствахъ и жено-
неистовствахъ пишется пространно въ
лѣтописць Святаго Нестора Петерскаго
и въ иныхъ многихъ рукописныхъ лѣто-
писаніяхъ Россійскихъ и въ печатныхъ
Синодальныхъ Петерскихъ.»*

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ, МѢСЯЦЪ ІУЛЬ.

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА.

ПОВѢСТЬ

ВРЕМЕНЬ

ВЛАДИМИРА ПЕРВАГО.

1.

Раскройшесь предо мной карпины
время давно-прошедшихъ; явись во
всей красѣ своей, изгибаясь по кру-
тымъ берегамъ привольнаго Днѣпра,
древняя столица Царства Русскаго —

Великій Кіевъ, первопреспольный градъ!
Бушуй, крупись быспрыій Днѣпръ, и
опражай въ голубыхъ волнахъ сво-
ихъ злапые верхи высокихъ шеремовъ
и гридницъ двора *Княженецкаго*; ра-
спилайпесь по обширному подолу Кі-
евскому бархатные луга, любимое *раз-*
гулье удалой дружины Князя Русска-
го! Жадный взоръ мой спремипся про-
никнушь сквозь съдой шуманъ вѣковъ
до пѣхъ опдаленныхъ времянь Рос-
сїи, когда, не озаренная еще свѣпомъ
Православїа, она приносила кровавыя
жертвы своему Перуну; когда въ дре-
мучихъ лѣсахъ ея перекликались Лѣ-
нше и раздавался хохопъ хипрыхъ
Русалокъ; когда въ бурныя осенія но-
чи, на вершинѣ Кучинской горы, сби-
рались колдуны, оборопни и злыя
вѣдьмы; или, купаясь въ ушреннемъ шу-
манѣ, рѣзвились межъ собой верплавья

Кикиморы, и грозный Бука, на сивомъ конѣ своемъ, носилея по лѣсамъ и доламъ, преклонялъ высокій боръ до сырой земли и припапшывалъ луга заповѣдныя. Я хочу послушати пѣсней вѣщихъ соловьевъ Владиміра, вдохновенныхъ Бояновъ древности, хочу взглянуть на веселые хороводы Русскихъ дѣвъ, пляшущихъ подъ пѣнію дубовъ, или при свѣтѣ пылающихъ огней, въ праздникъ Купалы, древняго божества дубравъ и полей Русскихъ; хочу полюбаваться удалыми попѣхами и посмопрѣти на игрушки богатыхъ Славянскихъ Вицязей.

Пусть называютъ мой разсказъ баснею: тамъ, гдѣ безмолвенствуетъ Испорія, гдѣ вымыселъ сливается съ истиною, довольно одного преданія для того, кто не ищетъ славы дѣписателя, а желаетъ только забавлять

Русскихъ расказами о древнемъ ихъ опечеспвѣ.

Давно уже свирѣпые Печенѣги не дерзали приближаться къ границамъ Русскимъ; покоренные Япвѣги смирились; мяпежные Радимичи, побинные на-голову Воеводой Княжескимъ, прозваннымъ *Волгій хвостъ*, плапили снова обычную дань, и опть береговъ Чернаго моря, называемаго въ по время Рускимъ, до крайнихъ предѣловъ обширной области Новгородской, почти все проспранспво земли, заключающее въ себя нынѣшнюю Европейскую Россію, признавало своимъ владыкою Великаго Князя Кіевскаго. Съ ужасомъ взирала опдаленная Греція на сего Спавро-Скифскаго Царя (*), которій,

(*) Греческіе лѣтописцы, а въ особености Левъ Даковъ, называютъ часпо Рускихъ Спавро-Скифами.

подражая во всемъ опцу своему, Свя-
пославу, не хотѣлъ послѣдовать при-
мѣру мащери его, благочеспивой Кня-
гини Ольги, и принявъ вѣру Христіан-
скую.

Немногіе Христіане, разсѣянные по
Россіи, хопя не были гонимы за ихъ
вѣроисповѣданіе; но, окруженные по-
всюду идолопоклонниками, повинувъсь
языческому Князю, власполобивому,
незнающему предѣловъ своему могу-
ществу, они должны были безпреспан-
но опасаться учаспи ихъ единовѣр-
цевъ, поспрадавшихъ въ первые года
Христіанства. Владиміръ не походилъ
на Нерона, но онъ могъ сдѣлаться
Діоклитіаномъ. Сооруженіе новаго ка-
пища Перуну, богатое изваяніе испу-
кана сего первенспивующаго божества
древнихъ Славянь, часпья жерпвы,
ему приносимья—все доказывало при-

вязанность Великаго Князя къ вѣрѣ его предковъ. Онъ могъ пожелать испребити послѣдніе оспатки Православія въ своемъ Государствѣ; а могъ ли пожелать и не исполнить своего желанія пощъ, кшо нѣкогда, для удовольворенія необузданной спраспи, предавъ смерти владѣтеля земли Полоцкой, Рогвольда, и двухъ сыновей его, силою женился на ихъ сеспрѣ, Роггѣдѣ, и, умерпвивъ пощомъ своего роднаго брапа, Ярополка, взялъ въ число наложницъ своихъ вдовспвующую его супругу. Кшо могъ погда предвидѣль, что сей грозный Князь, обливый кровію своихъ ближнихъ, будетъ нѣкогда просвѣщепелемъ народа Русскаго, образцемъ кропоспи, смиренія, Хриспіанской любви и, причпенный къ лику Свяпыхъ, спанепъ рядомъ съ Апостолами и Учениками Спасипеля на-

шего? Впрочемъ сами Хриспіане не могли не видѣшь, что, сдѣлавшись самодержавнымъ и единственнымъ владыкою Царства Русскаго, Владиміръ переспалъ злодѣйствовашь. Онъ былъ еще бичемъ небеснымъ для народовъ иноплеменныхъ; но любилъ свой собственный народъ, любилъ въ судахъ правду, любилъ своихъ Русскихъ Випязей, и хопя гордые Варяги, соспавлявшіе нѣкогда его опборную дружину, припѣсняли иногда просполодимовъ; хопя Владиміръ ласкалъ еще сихъ наемныхъ воиновъ, извѣстныхъ въ другихъ земляхъ подъ общимъ названіемъ Нормановъ; но они не смѣли уже поспуашь съ Русскими, какъ съ побѣжденнымъ народомъ, и не рѣдко Варягъ, обличенный въ буйствѣ и насиліи, наказывался наравнѣ съ проспымъ воиномъ Кіевскимъ. Но могли ли на-

дѣлясь Христіане, чпо поить, кпо проводилъ время въ пирахъ и забавахъ, и подобно сласполюбивому Соломону, имѣлъ до восьми сотъ наложницъ, оспавипъ въ покоѣ людей, коихъ вѣра, основанная на чиспопъ нравовъ, исповѣдующая крпоспъ и цѣломудріе, была безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ обличипелемъ его буйныхъ попѣхъ и увеселеній? Не смопря на эпо, не только одни язычники, но даже многіе изъ Христіанъ любили Владиміра. Его величеспвенный видъ, неуспрашимоспъ въ бипвахъ, Царское хлѣбосольспво и роскошь, знаменипья побѣды—однимъ словомъ: все плѣняло умы Россіянъ. Слава Царя всегда спановипся собспвенноспію его народа, а могущеспвенный Владиміръ былъ славнѣйшимъ Государемъ своего времени; и когда Кіевляне, полпясь на

24315

площади вокруг Перунова капища, слышали веселые крики Бояръ и Випязей, пирующихъ въ свѣшлыхъ гридницахъ двора Княжескаго, когда кому нибудь удавалось сквозь узкія окна завидѣть часпъ длинныхъ дубовыхъ споловъ, покрытыхъ яспвами, и разсмотрѣть окованный серебромъ *турій рогъ*, копорый съ шипячимъ медомъ, или зеленымъ виномъ, переходилъ изъ рукъ въ руки, по онъ кричалъ съ радостію: » брашцы! брашцы! посмотрише, какъ пируешъ съ своей удамой дружиною нашъ Великой Князь, Владиміръ Святославичъ! Вонъ видипель, спонить подлѣ него широкоплечій Бояринъ? Эпо славный Новгородской Воевода, Добрыня! А вонъ сидить понасупившись, словно пуча громовая, удача—молодецъ, Рогдай! « И народъ съ шумомъ начиналъ пѣсниться вокругъ двора

1*

Областная
гипошеская
библиотека
г. Свердловск

Читальный зал

Княжескаго, и пысячи голосовъ повпо-
ряли: » да здравспвуеть Государь, Ве-
» ликій Князь! Веселись и пируй нашъ
» бапюшка, солнце красное всей Свя-
» пой Руси! «

Въ одинъ изъ прекрасныхъ весен-
нихъ вечеровъ южной Россіи, когда
солнце, опускаясь медленно къ землѣ,
и не зашпаемое ни однимъ облач-
комъ, ушпааеть въ золопомъ и огни-
спомъ океанѣ; когда поселянинъ, воз-
вращаясь домой съ работы, весело по-
глядывааеть на ясныя небеса и гово-
рипть своимъ поварицамъ: » ну, ребя-
» ша! Богъ даепть намъ ведро! Посмо-
» прише, какъ заря погорѣла! « въ
одинъ изъ сихъ благословенныхъ ве-
черовъ, пихихъ, но исполненныхъ ка-
кой-шо юноспи и жизни, человекъ де-

сяпъ рыбаковъ сидѣли кругомъ яркаго огня, разведеннаго на берегу рѣки, близъ урочища нагорной спороны Днѣпра, называемаго *Сборище въ взвозъ*. Съдой, но, повидимому, еще бодрый спарикъ, заглядывалъ безпрестанно въ большой копель, въ копоромъ варилась жирная уха, и опть времени до времени опшѣдывалъ изъ него деревянной ложкою. Два рыбака разбирали и считали пойманную рыбу, а оспальные, лежа безпечно вокругъ огня, разговаривали межъ собою.

— « Чпо эпю, ребяпа? » сказалъ одинъ изъ сихъ послѣднихъ. » Вошь близко десяти дней, какъ нашего Великаго Князя видомъ не видашь, слыхомъ не слыхашъ! Ужь здоровъ ли онъ, нашъ бапюшка? Бывало, не пройдепть двухъ дней безъ пированья; а шеперь, посмоприше-ка! и въ новыхъ его пала-

пахъ и въ каменномъ перемѣ ни одного огонька не видно!»

— « Не все пировать, дупяшко, » сказалъ старый рыбакъ. » И Княжескія ясва приѣдаются и сладкій медъ припивается!... Да и нельзя же каждый день бывать подъ хмѣлькомъ; вѣдь дѣло его Княжеское: надо рядишь, судишь, даваешь всѣмъ расправу. Тупъ Варягъ ограбилъ Русина; пашь, глядишь, нашъ братъ Кіевлянинъ...»

— « Чпо, чай обидѣлъ Варяга? » перервалъ кпо-то насмѣливымъ и грубымъ голосомъ. Рыбаки поглядѣли вокругъ себя: на берегу никого не было; но въ пяпи шагахъ опъ нихъ, у самой приспани, споялъ въ легкомъ челнокѣ, облокопясь на весло, колосальнаго роспа мущина, лѣпъ сорока пяпи, съ окладисной русой бородою. Онъ былъ безъ кашпана, въ одной пе-

спрой рубашкѣ, подпоясанной чернымъ съ мѣдными бляхами ремнемъ, за копорымъ зашнурованы были широкой съ серебряной рукояшкою засапожникъ (*) и спальной киспень; у ногъ его лежало верхнее плащье изъ грубой шерстяной пкани.

— » Ахъ, лышій его побери! « сказаль одинъ изъ рыбаковъ. » Какъ онъ подкрался! «

— » Чшо тебѣ надобно, молодець? « спросилъ спарикъ.

— » Ничего, дѣдушка! « отвѣчалъ незнакомецъ. » Я здѣсь приспалъ къ берегу, чшобъ поопдохнуть немного. Да чпожъ вы, ребяпа, замолчали? « продолжалъ онъ. » Не бойтесъ! я не Варягъ, не Виписъ Княжеской, не спарикъ.

(*) Родъ кивжала.

ну васъ подслушивать, да придирашь-
ся къ вашимъ рѣчамъ. «

— » Пожалуй себѣ подслушивай! «
сказаль спарикъ, посмапривая недо-
вѣрчиво на незнакомца. » Мы люди про-
стые, шакъ какія у насъ рѣчи? Кой о
чемъ межъ собой роспобарываемъ. «

— » Въ самомъ дѣлѣ! А мнѣ здаеш-
ся, дѣдушка, чпо у васъ рѣчь шла о
Владимірѣ. «

— » О какомъ Владимірѣ? Владимі-
ровъ много на Свяшій Руси « пере-
рвалъ спарикъ.

— » О какомъ Владимірѣ! Въспнмо о
какомъ! Вѣдь онъ одинъ у васъ, какъ
порохъ въ глазу. «

— » Если пы говоришь о нашемъ
Государѣ, молодець, шакъ его не зо-
вуть просто Владиміромъ, а вели-
чаютъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ. «

— » Кіевскимъ! « повпорилъ сквозь зубы незнакомецъ. » Кіевскимъ! Оппа его величали когда-по и Царемъ Болгарскимъ, а не долго же онъ нацарствовалъ. Слыхалъ ли пы, спаринушка, пословицу: чужое добро въ прокъ нейдетъ? «

— » И молодець! гдѣ намъ знать пвой пословицы: мы люди пемные. Да и чпо намъ за-дѣло, чпо было въ спарину! Живи полько, да здравствуй нашъ бапюшка, Великой Князь, наше красное солнышко.... «

— » Хорошо солнышко! « перервалъ незнакомецъ: » льпомъ печеть, а зимой не грѣеть. «

Рыбаки, молча и почпи съ ужасомъ, поглядѣли на незнакомца, копорый споялъ попережнему, облокопясь небрежно на весло, и, казалось, не замѣчалъ удивленія сихъ проспыхъ людей,

не понимающихъ, какъ можно говорить съ такою дерзостію о Великомъ Князѣ Владимірѣ.

— » Эхъ, молодець, молодець! « сказалъ спарикъ, покачивая головою. » Чеспи пвоей мы не порочимъ — Богъ вѣспъ, кпо пы шаковъ; а не приспало ни шебъ говоришь шакія рѣчи, ни намъ ихъ слушаешь. «

— » А почему же нѣтъ? « сказалъ спокойно незнакомецъ. » Не прикажешь ли хвалишь Владиміра и за то, что онъ накликалъ сюда эшихъ иноземцевъ, оныхъ копорыхъ нашему брату Русину и живья нѣтъ? Подумаешь, какъ бы, кажется, эшимъ бездомнымъ пришлецамъ не бытъ пише воды, ни же правы; а попытайся-ка повздо-ришь съ какимъ нибудь Варягомъ... «

— » Такъ чтожь? « подхватилъ

одинъ молодой рыбакъ; » иль мнѣ съ нимъ и суда не дадутъ? «

— » Дождидайся, брагъ! Нѣтъ, ребята, не намъ обижать эшихъ Поморянъ: они пого и наровяютъ, чпобъ съ насъ послѣднюю одеженку спасишь.—Мы, дескать, Велико-княжеская дружина, шакъ все, чпо его, по наше. «

— » Какъ бы не шакъ! « подхвапиль одинъ молодой рыбакъ; » не прежнее время! Нашъ бапюшка, Великой Князь унялъ порядкомъ эшихъ заморскихъ буяновъ. Кпо и говоришь—бывало, при нихъ и шони не закидываемъ: какъ-разъ всю лучшую рыбу по себъ разберутъ; а шеперь, небось! не шолько проспой Мечникъ, а даже Гриднѣ, или Опрокъ Княжеской, пошпшайся-ка у меня взайш даромъ хопъ эпу шопву; нѣтъ, любезной, и не понюхаешь! «

Незнакомецъ не опивчалъ ни слова и, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ: » посмотрице, ребята! кто эпо шамъ сходити съ горы?... Поспойте-ка! никакъ одинъ изъ нихъ—вошь чпо повѣще другихъ и въ панцырѣ.... ну, пакъ и еспь—Варягъ!... Да и другіе-по, кажется, Вицязи Княжескіе... они идуць сюда. «

» Сюда? « вскричалъ пороливо молодой рыбакъ. » Ей, ребята! проворнѣй оппашите эпого осепра въ лодку... да помогите мнѣ прирпашь куда нибудь сперлядей... Ну, чпожь вы, брашцы, поворачивайтесъ!... «

Всѣ рыбаки засуетились вокругъ пойманной рыбы. » Добро, не хлопчите! « сказалъ съ насмѣшливой улыбкою незнакомецъ: » они поворопили направо. Да чпожь вы пакъ переполошились, ребята? Въдь шеперь, по милоспи вашего

Князя, не только проспые Виписи Варяжскіе, но и ближніе его Опроки не смѣюпъ васъ обижапъ. «

— » Оно пакъ, молодець! « отвѣчалъ спарикъ, глядя въ слѣдъ за небольшой полною рапныхъ людей, копорые, сошедши до половины горы, повернули по пропинкѣ, ведущей къ обширному подолу Кіевскому. » Оно пакъ, и мы доподлинно знаемъ, что рапнымъ людямъ заказано обижапъ народъ и брапъ у насъ даромъ по, что имъ приглянешя; да знаешъ, молодець, все какъ будпо бы вѣриѣ:—приберешъ къ споронкѣ, пакъ не на что и глазамъ разгорѣпся. «

— » Ахъ, вы глупыя головы! « сказалъ незнакомецъ. » Чпо ужъ эпо за-жипѣ, коли надо пряпаяпъ свое доброе, чпобъ его не опняли!... Да эпакъ и съ Печенѣгами уживешся. Нѣптъ, ре-

бляпушки, не пакъ живали наши опцы въ Кіевъ, при законныхъ своихъ Князьяхъ: Аскольдъ и Диръ. Попыпался бы погда какой нибудь чужеземець обидѣть Кіевлянина! «

— » А чпо, молодець, « спросилъ одинъ изъ рыбаковъ, » и впрямь, чай, въ спарину-по лучше бывало? «

— » Не знаешь, пакъ спроси у спариковъ. Чпо, дѣдушка, погачиваешь головою? « продолжалъ незнакомецъ, обращаясь къ спарому рыбаку. » Вѣспимо, опцы наши живали не по-нынѣшнему: довольство-по какое во всемъ было! жипье-по какое привольное! Коли ты самъ не видалъ энихъ временъ, пакъ, вѣрно, слыхаль объ нихъ опъ опца и мапери? «

— » Слыхапъ-по и мы слыхали, « перервалъ одинъ рыбакъ, почесывая въ головѣ. » Не даромъ поепся въ пѣ-

сняхъ, чпо въ спарину и рѣки спекли съшою, и берега были кисельные. Да въдь эпо давно ужъ было; а чпо прошло, шого не воропишь. «

— » Бывало, « продолжалъ незнакомецъ, » нашъ брапъ Кіевлянинъ зналъ лишь Князей своихъ и боялся одного всемогущаго Перуна; а пеперь и Боговъ-шо у васъ много и господъ не перечпешъ. «

— » Чпо правда, шо правда, « перервалъ одинъ дѣпина съ рыжей окладистой бородою. » Господъ-шо развелось у насъ не мало: и Вирники и Тиуны; а ужъ пуще всѣхъ эпи Мешальники (*), проваль бы ихъ взяли—болъно обижаютъ нашего брапа. Вопъ

(*) *Вирниками* назывались тогдашняго времени полицейскіе чиновники, кои въ послѣдствіи извѣстны были подъ именемъ *Губныхъ Старостъ*. *Тиуны*, по мнѣнію издапелей Русской

въ прошломъ мѣсяцѣ, на меня наложили поспавипь для Княжескаго спола пол-пора сорока сперлядей. Я все чеспно принесь къ Дворцовому Мепальнику, да позабыль полько ему, прокляпому, сперлядкоѣ другой поклонипсья: шакъ

Правды, были поже самое, чпо у древнихъ Германцевъ Судьи по уѣздамъ. *Метальники* поже, чпо въ послѣдспвн Дьяки: они исправляли шакже должность вынѣшнихъ Казначеевъ, и принимали вносимья въ Княжескую казну подаши. Въмѣсто вынѣшнихъ квипанцій употреблялись тогда *бирки*, по еспь: небольшія палочки, на которыхъ прямья и креспобразныя зарубки замѣняли нынѣшнія цыфры. Обыкновенно, по сдѣланіи на ней извъспнаго числа зарубокъ, она раскальвалася во всю длину на-двое; одна половина оспавалась у пріемщика, другая у отдапчика. Первая служила пріемщику вмѣсто записной шепради, другая замѣняла для отдапчика квипанцію, или росписку въ полученіи опъ него денегъ, или вещей.

чпожь? онъ при мнѣ нарѣзалъ шесть зарубокъ на биркѣ, раскололъ, опдалъ одну половинку мнѣ. Кажись, дѣло бы и въ шапкѣ; такъ нѣтъ! дня черезъ при шлюпѣ опяты за мною. — Давай еще полсороска сперлядей: за побой недоимка! — »Какъ такъ?« — Да такъ! — Я за пазуху, вынулъ бирку: на ней всѣ мѣтки сполна; Мешальникъ приложилъ къ ней свою половину; смопрю, двухъ зарубокъ нѣтъ какъ нѣтъ! Я шуда, сюда—не пунтъ-по было! Рыбу съ меня доправили, да мнѣ же запълокъ на-косьпьяли. «

— »Такъ чпожь пы, глупая голова, « перервалъ незнакомецъ, » пы бы ударилъ челомъ на эпаго Мешальника, вашему красному солнышку, Великому Князю Владимиру. «

— »Пыпался-было, молодець, да доспунтъ-по до него не лежокъ. Въдъ

нашъ брапъ не кпо другой: сунешься не въ попадь, пакъ и живопу не будешь радъ; шого и гляди « продолжалъ рыбакъ, наморща брови и похвапывая себя за спину, » какой нибудь Гридня; или разбойникъ Варягъ пакъ шебя пугнешъ, чпо пы и ногъ не улпешъ. «

— » Экой пы, брапецъ, какой! « подхвалилъ незнакомецъ. » Коли не знаешь, пакъ я шебя научу, какъ дойши до Великаго Князя. Послушай-ка, молодець, женапъ ли пы? «

— » Какъ же! вопъ ужъ другая весна идепъ. «

— » И жена пвоя молада? «

— » Всего семнадцатой годокъ. «

— » А пригожа ли она собою? «

— » Пригожа ли! « повпориль съ гордымъ видомъ рыбакъ; » пригожа ли! Да шакихъ молодиць, какъ моя, во

всемь Кіевъ немного, господинъ чесп-
ной! Поразспроси-ка у поварищей: бѣ-
лолицая, румяная—кровь съ молокомъ!
Глаза, какъ цвѣпы лазоревые, шея
лебединая, а выспупка-по какая, вы-
спупка—что и говоришь! идешь, какъ
плывеешь—пава павою! «

— » Эхъ, дѣпина, дѣпина; о чемъ
же ты думаешь? пошли ее за-мѣспо
себя къ вашему Князю; пакъ, можешь
бышь, она-по сама домой не верне-
ся, да за то спермядей шебѣ назадъ
опдадутъ. Чпожъ ты, любезной, въ
головѣ-по почесываешь; иль боишься,
чпобъ съ шобой не было того же,
чпо съ покойнымъ брапомъ вашего
Государя? Да не бойся, молодець! вѣдь
у шебя всего навсе одна жена, а у
покойника-по, Князя Ярополка, и не-
вѣспа была красавица, и вся земля
Русская была его; пакъ вѣспимо дѣло,

съ нимъ добромъ нельзя было раздѣ-
 латься: пожалуй, онъ спалъ бы опинѣ-
 киваясь, на драку бы пошелъ. Вопль
 у нашего брата, проспюлюдина, иная
 рѣчь: взялъ жену, иль невѣсту, да вы-
 полкалъ въ шею съ Княжескаго двора,
 шакъ и концы въ воду. «

Глубокой вздохъ, похожій на уду-
 шливое спенаніе умирающаго, когда,
 въ минушту нестерпимой боли, каж-
 дое дыханіе его превращается въ боль-
 зненный вопль, перервалъ слова незна-
 комца. Рыбаки молча взглянули другъ
 на друга, и соспрадапельные ихъ взо-
 ры оспановились на одномъ молодомъ
 чловѣкѣ, который, не принимая ника-
 кого учаспія въ общемъ разговорѣ,
 сидѣлъ задумавшись близъ огня. На по-
 лумертвыхъ и впалыхъ щекахъ его,
 въ неподвижныхъ глазахъ, на посинѣв-
 шихъ успахъ, въ каждой черпѣ лица,

изможденнаго бѣдспіемъ, изображалась глубокая, неизъяснимая горесть. И грубый Варягъ, и хипрый Грекъ, и полудикій жипель льсовъ Древлянскихъ—каждый прочель бы въ нихъ съ перваго взгляда и повпорилъ бы на собспвенномъ языкѣ своемъ ужасныя слова: » я упрапилъ невозвратно все земное мое счаспіе! « Ахъ! эпопгъ всемірній языкъ души, эпи рѣчи безъ звуковъ, начерпанныя кровавыми буквами на блѣдномъ челѣ несчастливца, понятны для всякаго.

— » Эхъ, брапъ, Дулебъ! « сказала одинъ изъ рыбаковъ. » Да полно груспипъ! Мало ли въ Кіевѣ красныхъ дѣвушекъ—не та, такъ другая. Твоя Любаша приглянулась Великому Князю—чпожъ дѣлапъ, брапъ: воля его Княжеская! не пы первый, не пы послѣдній. «

— » Такъ вашъ Владиміръ, « пере-
рвалъ незнакомецъ, » и у эпаго бѣдняка
опиняль жену? «

— » Не жену, а невѣсту, « отвѣчала
въ полголоса рыбацкъ, поглядывая съ
сожалѣніемъ на Дулеба. » Сама виноват-
на. Бывало, лишь только Великою
Князь выѣдетъ на улицу, такъ всѣ
ея подружки, словно дождь, кпо куда
попаль; а Любаша шупъ какъ шупъ.
Ужъ и я ей говариваль: » ей, Люба-
шенька, не суйся на глаза къ Велико-
му Князю! Дѣвка пы пригожая, лич-
мѣнная—какъ-разъ попадешъ на жипье
въ Берешово (*). Такъ нѣтъ! куда-
ше! бывало и слушаць не хочеть.—Я,
дескать, моего Дулебушку ни на какого
Князя не промѣняю. — » И рада бы не

(*) Село, въ которомъ былъ одинъ изъ люби-
мыхъ помѣстныхъ дворцовъ Владиміра.

мѣняшь, да промѣняешь. Глупая! вѣдь выше лба уши не роспушь. Чай спануть себя спрашиваешь! «—Ну чпожь? анъ и вышло по-моему. За два дня до свадьбы, гдѣ Любаша — и слѣдъ проспьяль!... Мы съ Дулебомъ разыскались ее по всему Кіеву, обѣгали всѣ улицы; по домекамъ, завернули на Княжеской дворъ, да лишь полько Дулебъ вымолвилъ за чѣмъ, какъ вдругъ Конюшіе, Ясельничіе, Сокольники, Гридни, Опроки, Варяги, Русины — ну вся эпа Княжеская челядь, словно спая голодныхъ псовъ, пакъ на него и оцепинилась, да ну-ка его въ полчки: не дали парню образумиться. Только одинъ Княжеской Чашникъ, видно подобрѣе другихъ, глядя на его горькія слезы, сжалился и шепнулъ ему, чпо Любашу опвезли на Лыбедь, въ село Предиславино, за пѣмъ, чпо въ Бересповѣ ужъ мѣ-

спа нѣтъ для красавиць. Вошь съ пѣхъ поръ бѣдняжка Дулебъ и ну чахнушь — совсѣмъ извелся! Не даромъ говорятъ, что съ радости кудри выюпся, а съ кручины съкупся. Подумаешь, дѣпина-по былъ какой ражій, да весельчакъ какой! и погѣнь и поплясать и въ дудочку поиграшь — на все удача! Бывало, какъ распогѣшипся, такъ щеки жаромъ горятъ; а шеперь.... посмоппри-ка: кровинки въ лицѣ не оспалось. А ужъ исхудаль-по какъ, исхудаль!... Сердечной! въ чемъ душа держипся!»

— » Знаешь ли что, спарикъ? « ска- залъ незнакомецъ, помолчавъ нѣсколь- ко времени и обращаясь къ сѣдому спарику. » Опъ эпихъ разказовъ и мнѣ охопа пришла повеличать ваше- го Государя. Ну-ка, браншцы, хвапимъ разомъ: » да здравспвуептъ нашъ ба-

«пшошка, Великій Князь, наше красное
«солнышко!... « Чпожъ вы молчите, ребяпа!... Приспанъ хопъ пы, Дулебъ!
Чпо въ самомъ дѣлѣ—чегожъ намъ еще?
Когда у нашего браца взяпъ нечего,
пакъ люди рапные ничего у насъ да-
ромъ не опнимаюпъ; Мепальники берупъ съ насъ полько вдвое, челобип-
чиковъ съ Княжескаго двора провожаюпъ съ чеспю, и самъ Государь, Ве-
ликій Князь жалуепъ своей Княжескою
милоспю нашихъ женъ и невѣспъ.
Да развѣ эпю не жипъе, ребяпа? На
чпо гнѣвипъ Боговъ, и хуже бывало,
когда Печенѣги громили нашу родину.
Правда, въ спарину ни о Печенѣгахъ,
ни о Мепальникахъ, ни о Варягахъ
и рѣчи не было; судъ давали по прав-
дѣ, невѣспъ и женъ ни у кого не
опнимали—да вѣдъ погда и народъ-
по былъ другой. Вопъ еслибъ опцы

наши и дѣды вспали изъ могиль, « продолжалъ незнакомецъ, и насмѣшливая улыбка исчезла съ успь его, глаза заблнспали, а мочный голось, какъ изъ громовой пучи, зарокопалъ надъ головами рыбаковъ. » Да! « повпорилъ онъ, » еслибъ наши дѣды и опцы вспали изъ могиль, и я сказалъ бы имъ: граждане Кіевскіе, очннпесь! пробудись, народъ Русской! не пора ли тебѣ за умъ взяпсья! Ну-ка, дѣпушки, гоннпе изъ Кіева разбойниковъ Варяговъ; мечнпе въ Днѣпръ вашихъ грабнпелей; попппе всю эпупу гурьбу міроѣдовъ, которые пнпались кровью вашею подъ сѣнію враждебнаго для васъ поколѣння, злодѣевъ Рюрика и Олега! Люди Русскіе! Не прекрапнлся еще родъ Аскольдовъ, не погнбло племя прежннхъ Кнзей вашихъ! Боги сохранили для вашего блага одного изъ

ихъ попомковъ. Да Княжишь онъ надъ Великимъ Кіевомъ, да держишь свое Княженіе честию, безъ обиды, по-спаринъ, какъ держали, убишые измѣною и предашельствомъ, его дѣдичи—знаменишые Князя, Аскольдъ и Дирь!... Ну, ребяпа, какъ вы думаете, что сказали бы на это наши спарики? «

Незнакомецъ замолчалъ, попухъ дивный огонь, копорый сверкалъ въ грозныхъ его взорахъ; онъ облокопился снова на весло и, окинувъ спокойнымъ взглядомъ всѣхъ рыбаковъ, повпорилъ свой вопросъ. Никпо не опвѣчалъ ни слова. Какъ безоружный путешеспвенникъ, копорый, одинъ среди дремучаго лѣса, попадаетъ внезапно на спаю голодныхъ волковъ; какъ молодая дѣвушка, копорая, спыша на голось своего друга, и обманушая ауканьемъ хипраго Лѣшаго, вдругъ встрѣча-

епть передъ собой сіе страшилище
льсовъ Русскихъ; какъ безпріютное
дипя, копорое видишь въ рукъ злой
вѣдьмы сверкающій ножъ и, очарован-
ное адскимъ ея взглядомъ, спѣшишь
къ ней на встрѣчу: пакъ шочно всѣ
рыбаки, онѣмѣвъ опть испуга, не смѣя
пошевелились, едва переводя духъ,
слушали съ жадноспію и препеномъ
возмущительныя слова сего ужаснаго
незнакомца.

Казалось, одинъ Дулебъ не слышалъ
и не видѣлъ ничего: онъ не подымалъ
головы, глаза его ни разу не встрѣпи-
лись съ глазами незнакомца; но лег-
кой румянецъ игралъ на блѣдныхъ ще-
кахъ его, грудь волновалась, а изъ по-
луоткрытыхъ успъ вырвался ка-
кой-по невнятной ропотъ:

— » Дѣдушка, а дѣдушка! « промол-
вилъ наконецъ одинъ молодой парень,

дернувъ за рукавъ сѣдаго рыбака.

» Чпо эпо онъ говоришь? «

— » Чпо онъ говоришь? « повпорилъ спарикъ, какъ будпо бы пробудясь опть сна. » Ухъ, бапюшки, чпо эпо! Какъ эпопть кудесникъ насъ обморочилъ! Не слушайте, ребяпа, эпого зловѣщаго вѣрона! Ахъ, пы Печенѣгъ прокляпой! да какъ у шебя языкъ повернулся говоришь пакія рѣчи о нашемъ бапюшкѣ? иль пы думаешь, чпо для пвоей буйной головы и плахи во всемъ Кіевѣ не найдется? «

— » Какъ не найпись! « отвѣчалъ спокойно незнакомецъ. » Пропяни лишь полько шею, а за эпимъ у вашего бапюшки, Великаго Князя, дѣло не спанепь. Да о чемъ пы, спаринушка, пакъ развопился? Вѣдь я спаль бы эпо говоришь не вамъ, а вашимъ опцамъ

и дѣдамъ. Съ людьми и говоряшь по-людски, а съ баранами чпо за-рѣчи: сприги ихъ, да дери съ нихъ шкуру—на по родились. «

— » Чпожь пы, въ самомъ дѣлѣ! « вскричалъ одинъ изъ рыбаковъ. » Ужь пы, брашъ, никакъ и насъ спалъ поругивашь. «

— » Убирайся-ка покуда цѣль, « сказали спарикъ; » а не по мы шебъ руки назадъ, да опведемъ къ Городскому Вирику, пакъ у него запоешь другимъ голосомъ. Экой разбойникъ, въ самомъ дѣлѣ! видишь съ чѣмъ подѣхалъ! «

— » Порочипъ нашего Государя! « вскричалъ одинъ рыбакъ.

— » Говорипъ пакія рѣчи о нашемъ опцѣ, Владиміръ Свяшпослави-чѣ! « подхвапимъ другой.

— » Глупое спадо! « пробормошалъ незнакомецъ, принимаясь за весло.

— » Постой, молодець! « вскричалъ Дулебъ, вскочивъ постыжно съ своего мѣспа. » Возьми меня съ собою. «

— » Чпо пы, чпо пы, дияшко! « перервалъ спарый рыбаць; » въ умѣ ли пы? «

— » Онъ довезешъ меня до Подола, « продолжалъ Дулебъ, подходя къ приспани.

— » Изволь, молодець, довезу куда хочешъ; хопь до села Предиславина! «

— » Вспомни, Дулебъ! « сказалъ пишемъ, но спрогимъ голосомъ съдой рыбаць, » пому ли тебя учили? То ли пы обѣщаль, когда былъ вмѣспѣ со мною.... не въ Перуновомъ капищѣ, не памъ, гдѣ льеся кровь богопрошвнхъ жерпвѣ... «

— » Ахъ, спарикъ! « вскричалъ Дулебъ, » чпо пы мнѣ напомнилъ! « Онъ оспановился и закрыль руками глаза свои.

— » Ну чпожъ пы? « сказалъ незнакомецъ. » Садись чполь! «

— » Нѣтъ! « прошепталъ пихимъ голосомъ Дулебъ. » Онъ велѣль любинь и злодѣевъ своихъ. Онъ даешъ, Онъ и опнимаешъ — да будешъ Его свялая воля! Спупай! Я не ѣду съ побою. «

Незнакомецъ взглянулъ съ удивленіемъ на Дулеба, опуспилъ весло, и легкой челнѣ его запорхалъ по синимъ волнамъ Днѣпра.

— » О комъ эпо онъ говоришь? « спросилъ одинъ изъ рыбаковъ, глядя на Дулеба, копорый сѣлъ на прежнее мѣспо.

— » Вѣспимо о комъ, « опвѣчалъ другой рыбакъ: » о нашемъ Великомъ Князѣ. Кпожъ, кромѣ его, и даешъ и

опнимаешъ? вѣдь онъ одинъ въ насъ
волѣнь. «

— » А злодѣвъ-по своихъ любинъ
онъ шакже приказываешъ? «

— » Какже! Развѣ намъ не вельно
жишъ въ любви и совѣшъ съ Варяга-
ми; а чшо они—други чшоль наши? «

— » А чшо, парень, « перерваль дѣ-
пина съ рыжей бородою, » вѣдь эшопъ
долговязой себѣ на умъ! И впрямь,
жишье-по наше не завидное. Эхъ,
ка-бы воля, да воля! чшобы намъ
хощь одного прокляпаго Мешальника
покупашъ въ Днѣпръ? «

— » А шамъ добрались бы и до
всѣхъ? « перерваль спарикъ. » И злыхъ
и добрыхъ—шопи всѣхъ сряду! Нѣшъ,
ребяпушки! Какъ у нашего брата-ру-
ки расходяшся, шакъ и воля будешъ
хуже неволи. «

— » Да за чпожь, дѣдушка, въ спарину-по насъ никпо не оби-жалъ? «

— » Право! Да вы никакъ въ са-момъ дѣлѣ повѣрили этому красно-баю. Эхъ, дѣпушки! Я два вѣка из-жилъ, пакъ лучше повѣрьте мнѣ спарику. Бывало и худо и хорошо, чпо грѣхъ шаипь: и при бабушкѣ нашего Государя, премудрой Ольгѣ, злые го-спода народъ обижали, и при сынѣ ея, Свяпославѣ Игоревичѣ. Коли безъ пого! Вѣдь одному за всеми не усмо-прѣпъ. Кпо говоришь—и при нашемъ бапюшкѣ, Великомъ Князѣ подѣ-часъ бываепъ со всячинкою. Да чпожь дѣлапъ, ребяпушки? видно ужъ свѣпъ на помѣ спюпъ! «

— » Да о какомъ онѣ все полко-валъ Аскольдѣ, дѣдушка? «

— » Не ужели не знаепъ? Ну вопъ,

чпо похороненъ шамь... близъ мѣ-
сна Угорскаго, надъ самою рѣкою. «

— » А кпо онъ былъ шаковъ? «

— » Прахъ его знаете! Такъ, какой
нибудъ ледящій Князишка. Чай, въ его
время лѣнвивый не обижалъ Кіева. То
ли дѣло шеперь, и подумаешь-то ни
кпо не смѣешь. Вошь не давно заво-
зились было Япвяти, да Радимичи: мно-
го взяли! Лишь только нашъ удалой
Князь брови нахмурилъ, шакъ они мѣ-
сна не нашли. Чпо шупть говориль! «
продолжалъ спарикъ съ возраспаю-
щимъ жаромъ. » Да бывалъ ли на Руси
когда нибудъ шакой могучій Государь;
да лепалъ ли когда по поднебесью
шакой ясной соколь, какъ нашъ бапю-
шка, Владиміръ Свяпославичъ?... «

— » Правда, правда! « закричали по-
чпи всѣ рыбаки.

— » А какъ выгдешъ, нашъ корми-

лець, « примолвилъ одинъ изъ нихъ, » на борзомъ конь своемъ, впереди своихъ удалыхъ Выпязей—что замолодецъ шакой! Такъ, глядя на него, сердце и запрыгаетъ оный радоспи. «

— » Да какъ сердцу и не радоваться, « подхватилъ другой: » вѣдь оный нашъ родной! Ему честь—намъ честь! «

— » Эхъ, ребята! « вскричалъ претпій, » напрасно мы не связали эшаго разбойника. Лышій его знаешь, кпо оный шаковъ! Ужъ не Япвяти ли его подослали? «

— » Да, парень, « перервалъ молодой рыбакъ, » хвапился!.. Подика догоняй его; смопри—чупъ видно.... Экъ оный началъ сажать—словно пища лепить!... Вонъ, вѣхаль ужъ въ Пачайну (*).... «

(*) Рѣчка, впадающая въ Днѣпръ.

— » Пуспъ ѣдепть, куда хоченъ, «
сказаль спарикъ; » лишь полько бы
къ намъ не забзжалъ. А вопъ и уха
сварилась, « продолжалъ онъ, опивды-
вая изъ кошла деревянной ложкою. » О,
да знапная какая!... Ну чпожъ, дѣ-
пушки, въ кружокъ! Поужинаемъ за-
свѣпло, а памъ и за работу. «

Всѣ рыбаки, выключая Дулеба, усѣ-
лись кругомъ кошла. » А пы чпо, Ду-
лебушка? « спросиль спарикъ. » При-
сядь къ намъ, да похлебай ушицы.
Эхъ, диняшко, полно! Горе горемъ, а
ѣда ѣдою. Садись! «

Вмѣспо опивѣпа, Дулебъ покачалъ
печально головою и оспался на пре-
жнемъ мѣспѣ.

— » Зачахнепть онъ совсѣмъ! « ска-
заль въ полголоса спарикъ. » Легколь,
сердечный, не пѣпть, не ѣспть.... «

— » Небойсь, дѣдушка! « перервалъ молодой рыбакъ, подвигаясь къ кошу, » проголодаешься, шакъ спанешъ ѣшь; вѣдь голодь-по не пѣшка. Нуше-ка, ребяпа, принимайпесь за ложки! Авось, смопрят на насъ, и его разберепть охотпа! «

...на ... по ...
 ... в ...
 ... в ...
 ... в ...
 ... в ...
 ... в ...
 ... в ...
 ... в ...
 ... в ...
 ... в ...

II.

... в ...
 ... в ...
 ... в ...

Теремный дворъ, въ которомъ Вла-
 димиръ любилъ угощать своихъ Ви-
 спязей, споялъ, въ его время, на самомъ
 видномъ мѣстѣ древняго Кіева, близъ
 нынѣшней Андреевской церкви, соору-
 женной на развалинахъ каменнаго те-

рема, изъ коего, по сказаніямъ Лѣтописца, Великая Княгиня Ольга смопрѣла на поржеспивенный въѣздъ Пословъ Древлянскихъ, помышляя о кровавой признѣ, угошповляемой ею въ память убіеннаго ея супруга. Тутъ же, передъ самымъ Теремнымъ дворомъ, спояло капище Перуна, на холмѣ, на коемъ въ послѣдствіи сооружена была церковь Святаго Василя, а нынѣ возвышаепся храмъ во имя прехъ Свяшпелей.

Въ по самое время, какъ рыбаки, уполивъ голодъ, принялись снова шолковать и шумѣть межъ собою, вверху, надъ ихъ головами, глубокая пшпина царспивовала кругомъ дворца Княжескаго. Молчали гусли злалоспрунныя и не раздавался весельй звукъ брашпнъ и кубковъ, копорыми *гокались* храбрые Вишпязи, выпивая ихъ

однимъ духомъ за здравіе удалаго Князя Владиміра; но въ нѣкопоромъ разспояніи опть дворца народъ шумѣлъ еще по улицамъ великаго Кіева. Поселяне и жипели посадовъ Кіевскихъ, собравшись опдѣльными полнами, пѣли пѣсни на обоихъ берегахъ Днѣпра; на песчаныхъ косахъ и опмѣляхъ пылали яркіе огни; кой-гдѣ мелькали по водѣ, какъ блуждающія звѣзды, небольшіе огоньки, разведенные на лодкахъ рыбаковъ, копорые собирались *багрить* сонныхъ осепровъ и бѣлугъ. На городскомъ Подолѣ, тогда еще не заселенномъ, близъ божницы Велесовой, рѣзвились молодья горожанки; онѣ по сверпывались въ шумные хороводы, по запленали плещень, и громкіе ихъ припѣвы Диду и Ладь разносились по окреспноспи.

Нѣсколько молодыхъ Кіевлянъ, меж-

ду коихъ можно было пошчасъ замѣнить по гордой осанкѣ Варяжскихъ воиновъ и Гридней Княжескихъ, спояли небольшой полпою, поодаль отъ хороводовъ и любовались на игры красныхъ дѣвушекъ. Шагахъ въ пятьдесятъ отъ сей полпы, подъ самымъ навѣсомъ припвора Велесова капища, спояль, прислонясь къ спѣнѣ гигантскаго росна мущина, закутанный въ широкую, темнаго цвѣта, верхнюю одежду, похожую нѣсколько на Греческую мантію. Онъ не сморгнулъ на хороводы веселыхъ дѣвицъ, не слушалъ ихъ пѣсней; казалось, все вниманіе его было устремлено на одинъ отдаленный предметъ: онъ приспально глядѣлъ на поросшую часпымъ куспарникомъ гору, копорая опускалась съ одной спороны положимъ скапомъ къ Кіевскому Подолу, а съ другой на-

висла у песомъ надъ песчанымъ берегомъ Днѣпра. На самомъ верху сей горы бѣлѣлось чепвероугольное, съ двумя красивыми перемами, зданіе, обнесенное полспымъ и высокимъ шпеномъ. Эша гора называлась въ послѣдствіи Кучинскою; въ эпомъ домъ жилъ Богомилъ, Верховный жрецъ Перунова капища.

— » Да чпожь мы, брашцы, спомимъ здѣсь, розиня ропъ, « сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, копорые продолжали смопрѣшь издали на игры дѣвушекъ. » Кшо намъ заказаль подойти поближе? «

— » Въ самомъ дѣлѣ, Спемидъ говоритъ правду, « подхватилъ высокой, но неуклюжій воинъ, въ оспроконечномъ шеломѣ и спальной нагрудникѣ. » Подойдем-те поближе! «

— » Нѣшь, молодцы! не прогайпе

нашихъ дѣвушекъ, « перервалъ спепеннаго вида Кіевской гражданинъ, приподнявъ вѣжливо свою шапку. » Вы ихъ распугаете. «

— » Распугаемъ? « повпорилъ грубымъ голосомъ воинъ. » Ахъ, шы не разумный сынъ! Чпо мы Печеньги чполь; чего насъ бояпья Кіевскимъ Красицамъ? «

— » Кпо и говоритъ, государь милоспивый « продолжалъ гражданинъ. » Вы господа чеспные, Вицязи Велико-Княжескіе; да не пригоже нашимъ сеспрамъ и дочерямъ водипья съ людьми рапными. «

— » А съ кѣмъ же?... чай съ ваней брапшей, поргашами Кіевскими? «

— » Да не во гнѣвъ будъ сказано швоей милоспи; « раздался позади воина весельй голось: » съ поргашами-по Кіевскими водипья прибыльнѣе,

чѣмъ съ вами, господа храбрые Выпязи! Не даромъ сложена пѣсенка:

Ой, ты гой еси, богатый гость!

Ты богатый гость, сынъ купеческой;

Не красивъ, не пригожь ты, мой башошка,

А красивы, а пригожи твои денежки.»

Варягъ обернулся. Подлѣ него спояль челоуѣкъ лѣпъ придцани, въ проспомъ смуромъ кафпанѣ. Онъ былъ роспа небольшого; но огромная голова его напоминала древнюю повѣсть о сильномъ и могучемъ Полканѣ Богатырѣ, у копорого, по словамъ преданія, *буйная головушка была съ тивной котель*. Красныя и раздушья его щеки, небольшіе прищуренные глаза, ротъ, копорый почти соединялъ оба уха, круглый вздернутый кверху носъ, и въ добавокъ какаѣ-то проспо-сердечная и въ то же время лукавая улыбка, опъ копорой носъ кривился

въ одну спорону, а роуць въ другую; все эпо вмѣстѣ соснавяло пакую смѣшную и спранныю физиономію, чпо Варягъ, захохопавъ во все горло, вскричалъ: » Спемидь! Проспѣнь! посмотрипе-ка! чпо эпо за-чудо морское? «

— » Э! да я знаю Эпого красавца, « сказалъ Спемидь. » Эпо Торопка-Голованъ. За чѣмъ сюда пожаловаль, молодець? Ужъ не хочешь ли опбивать у меня красныхъ дѣвушекъ? «

— » Гдѣ намъ пягаться съ вашей милоспью! « опвѣчалъ приземистой дѣпина » Ты Спремянной Великокняжеской, собой молодець, а мы чпо?... Правда, если и у шебя въ карманъ-по не побрякиваетъ, « продолжалъ онъ, скривя свой роуць, » пагъ не много же и пы возьмешь, бояринь! «

— » Ахъ, пы огородное пугало! «

вскричалъ одинъ осаниспый и полспый купецъ. » Да чпожъ пы эпакъ порочишь нашихъ дѣвушекъ? Развѣ онѣ поваръ какой? Ну, чпо зубы-по оскалилъ? Да еслибъ пвою дурацкую образину вылилъ всю изъ чиспаго зомоша и осыпалъ самоцѣпными камнями, такъ онѣ и тогда бы взглянуть на тебѣя не захопѣли. «

— » Ну, пустьъ на него, « подхвапилъ видный собою юноша, въ копюромъ по богатой одеждѣ не трудно было узнать одного изъ Гридней Княжескихъ (*). » Да не ужли-по и нашему брашу ни о чемъ нельзя съ ними рѣчи повести? «

— » Ихъ дѣло непривычное, господинъ чеспной, « отвѣчалъ купецъ.

(*) Гридни и Опроки Княжескіе поже, чпо пѣлохранители и оруженосцы.

» Какъ подойдете, такъ онъ всѣ до одной разбѣгушся. «

— » Да чпожь онъ пакія неповадливья? « перервалъ воинъ. » Ну, споронка! « продолжалъ онъ, обращаясь къ Снеמידу. » Нѣтъ! на моей родинѣ не только дѣвушки, да и жѣны молодыя не походящъ на вашихъ пугливыхъ Кіевлянокъ. У насъ по всему поморью только и живья, чпо рапнымъ людямъ. Клянусь Оденомъ! бывало ни одна красавица не повспрѣчаея съ молодцемъ Фреларомъ безъ того, чпобъ не взглянуць на него умильно, иль не промолвиць слова ласковаго. «

— » Рассказывай намъ сказки-по! « подхватиль, улыбаясь, Грідня. » Вамъ хорошо Варягамъ похваляться: изда лека пришли. Ну, чпо ты, Фреларъ, разхвасался, въ самомъ дѣлѣ! Послушай-ка, братъ; случалось ли тебѣ

когда нибудь въ пихую погоду припа-
дань лицомъ къ рѣкѣ, чпобъ напишь-
ся водицы? «

— » Какъ не случашься. «

— » Такъ вспомни-ка хорошенько:
чай, всякой разъ тебѣ казалось, чпо
самъ дѣдушка водяной выглядываентъ
на тебѣ изъ омуца. Ну, съ своимъ ли
краснымъ носомъ, да рыжими усами
приглянушься молодой дѣвушкѣ! «

— » Такъ чпожъ! Развѣ надобно
Випязю походишь на дѣвчонку, какъ
поварищу своему, Всеславу? «

— » Всеславу?... Да, Фрелафъ, онъ
покрасивѣ тебѣ и помоложе, а по-
пыпайся-ка съ нимъ схвапнись! Все-
славъ и не эпакихъ молодцовъ, какъ
ты, за-поясь запыкаль. «

— » Какъ! чпобъ этому мальчишкѣ
неудалому доспалось.... «

— » Такъ видно, брагъ Фрелафъ,

ны не видалъ какъ, на послѣдней игрушкѣ богатырской, передъ Княжескимъ перемомъ, онъ сбиль съ поля Яна Ушмовца и смучиль совсѣмъ удалаго Випязя, Рохдая? «

— » Не ужли въ самомъ дѣль? «

— » Какъ же! Да съ шой-шо самой поры онъ и попалъ въ любимые Опроки нашего Великаго Князя. «

— » Да чшо, Всеславъ въ Кіевъ чшоль? « спросилъ Грідня. » Вопъ ужъ дней десяпъ я его не видалъ. «

— » И я пакже, « прибавилъ Варягъ. «

— » А я хопъ и видѣль, « сказалъ Спемидъ, » да не узнаю. Вы помнише, какой онъ былъ весельчакъ, а шеперь какъ въ воду опущенный: все о чемъ-шо думаешъ. Кручина чшоль какая на сердце пала, не знаю. Подумаешъ, пакъ о чемъ ему посковать: Великой Князь

его жалуеть, опца и машери у него
нѣтъ; ни роду, ни племени—пакъ, ка-
жепся, о комъ бы у него и сердцу
большь? «

— » Да опкудова же взялся эпоть
безродный, и какъ попалъ въ Княже-
скіе Опроки? « спросилъ Варягъ.

— » Родомъ-по онъ, жекепся, изъ
Великаго Новгорода, « сказалъ Грідня;
» а кто былъ его опецъ, объ эпоть
никпо изъ насъ не слыхиваль. «

— » Такъ видно онъ какой нибудь
подкидъшь, « сказалъ съ презрѣніемъ
Варягъ. » Моженъ спашься, опецъ-по
его былъ гдѣ нибудь бродягою, или раз-
бойникомъ, пакъ не диво, чпо сынокъ
пошелъ по бапюшкѣ: чай поскуепъ
пеперь о помъ, чпо живепъ не на
своей волѣ—въ лѣсь хочепся. «

— » Слушай, Фрелафъ! « вскричалъ
съ досадою Спемидъ: » не глумись

надъ тѣмъ, кпо шебя лучше! Все-
славъ Опрокъ Княжеской, а пы чпо?...
проспой Мечникъ. «

— » Да за по не Русинъ, а Ва-
рягъ! « перервалъ съ гордостію Фре-
лафъ; » и знаю моего опща: онъ Кня-
жескаго рода. «

— » Да, да! « подхвапиль съ улыб-
кою Грндня: » вы всё Варяги Князья,
шолько Княжипъ-по вамъ не-гдѣ. Но
не о помъ дѣло!... Не знаю, какъ вы,
а я мысло пакъ: Всеславъ не даромъ
спаль пакимъ немудимымъ. Знаеше
чпо? Ужъ не принялъ ли онъ вѣры
Греческой? Я слыхаль, будпо бы кого
эпи чародѣи-Хриспiane обольспяпть,
пакъ попъ хопъ живой въ могилу
ложись. Всѣ наши попѣхи молодецкія,
и пѣсни и пляски и красны дѣвушки
и всякое жипейское веселье не взми-
лился. Говоряпть, покойный баншо-

ка нашего Князя былъ гроза грозою на эпихъ колдуновъ, а все ихъ много оспалось. Эхъ, не въ мѣру милоспнвъ нашъ Государь, Великой Князь! и если въ самомъ дѣлѣ эпи злые люди прельщили любимаго его Опрока.... «

— » Вотъ по-по и дѣло, чпо нѣтъ, « сказалъ Спемидъ. » Я сначала поже думалъ, да онъ поклялся мнѣ Перуномъ, чпо ненавидитъ Хриспiанъ, и рассказывалъ мнѣ, чпо слыхалъ опъ Верховнаго жреца, Богомила, съ копорымъ онъ часто бесѣдуетъ, пакія рѣчи объ эпихъ прокляшыхъ кудесникахъ, чпо волосы у него спановяпся дыбомъ, когда онъ повспрѣчается съ Хриспiаниномъ. Богомилъ сказывалъ ему, чпо они собираются по ночамъ, близъ Аскольдовой могилы, на развалины бывшаго ихъ храма, копорый построилъ, при Княгинѣ Ольгѣ, какой-

по Бояринъ Ольмъ, а послѣ приказалъ раззорить Князь Святославъ Игоревичъ; чпо у нихъ шунъ происходять пакія богомерскія дѣла, чпо даже Кіевскія вѣдмы близко къ шому мѣспу не подходящъ; чпо они ѣдять малыхъ дѣшей, пьютъ кровь челоувеческую, поклоняюцца какимъ-шо расписнымъ доскамъ, и вмѣсно шого, чшобъ чшипъ всемогущаго Перуна, Свѣшовада, Ладу, или хощъ Варяжскаго Одена, молящя злomu Черноботу, и просящъ его извеспи нашего опца, Великаго Князя Владиміра. А вы знаете, брашцы, какъ любить его Всеславъ, пакъ дасщ ли онъ себя прельспить эшимъ злодѣямъ. «

— » Опъ чего же онъ пакъ перебѣнился? « спросилъ Грідня.

— » Дощпашься не могъ, а замѣшпилъ шолько одно, чпо нѣсколько

дней сряду онъ, каждое утро, выѣзжаешь чѣмъ-свѣтъ изъ Кіева и возвращается не прежде полудень. Мнѣ онъ говоритъ, что будишь объѣзжаешь Сокола, своего вороного коня. Но за чѣмъ же онъ ѣздишь всегда одинъ и не берешь даже съ собою слуги своего? Да добро, ужъ я же его подсперегу!»

— »Тсъ! пише, пише, брашцы!« сказалъ Варягъ. »Вонъ, кажется, дѣвушки собрались въ кружокъ; вѣрно какая нибудь красавица хочешь спѣть песѣнку. Послушаемъ.«

Фрелафъ не ошибся. Все зашло въ шумномъ хороводѣ, и одна изъ дѣвушекъ зашла звонкимъ и пріятнымъ голосомъ:

» Не весенній въперокъ

Съ полудень подумь,

Не былиночка, сиропиночка.

Въ полѣ зашамалася;
Заревѣли въспры буйные,
Закачался темный боръ;
И всѣ гости поднебесные,
Сизокрылые орлы,
По глубокимъ дебрямъ припались,
И всѣ мелки пшашечки,
По кусточкамъ припаялся.
Одна полько пшашечка,
Сиропина горлинка,
Безъ приоту оспавалася:
Она ждала, поджидала
Свою сизаго голубчика.

**

У окошечка, у косяцапа
Красна дѣвица сидитъ,
Поджидая друга милаго
Изъ далекой спороны,
Во слезахъ поетъ, рыдаючи:

**

» О, въперъ, въперъ государь!
» Тебѣ мало ли высокихъ горъ
» Подъ облаками дупъ;
» Или не спало шебъ моря сизаго
» Разыграшься, распощишься?

» Не бушуй ты во чистомъ полѣ,
» Не мути широкой Днѣпръ,
» Не мѣшай ты другу милому
» На свою родимую споронушку
» Ворошиться поскорѣй.»

— » Ай да соловьиное горлышко! «
сказалъ больше-головой дѣпина. » Ну,
знашно пропѣла!... Да и пѣсенка сло-
жена хипро. «

— » Клянусь Геллою! « вскричалъ Ва-
рягъ, » эпа пѣвица спѣишь Фрелато-
ва поцѣлюя, и во что бы ни спало, я
ее поцѣлюю. «

— » А если она чья нибудь невѣ-
спа? « перервалъ Сцемида.

— » Такъ чтожь? «

— » И женихъ ея здѣсь? «

— » Тѣмъ лучше: я при немъ ее
поцѣлюю. «

— » А если онъ дѣпина плечистый

и не любить, чпобъ его невѣспу цѣ-
ловали? «

— » Не любить! А мнѣ какое до
эшаго дѣло? «

— » Полно хваспаль, Фрелафъ!»
подхватиъ Грідня. » Ты полько бо-
екъ на словахъ, а какъ доидеть дѣло
до кулаковъ, пакъ первый за куспъ
спрячешься. «

— » Кпо? я? « вскричалъ Фрелафъ.
» Я, природный Варягъ, побоюсь вашихъ
Русскихъ кулаковъ? Такъ спупайпе
же за мною; я вамъ покажу, какъ у
насъ за-моремъ цѣлуютъ красныхъ
дѣвушекъ. «

Фрелафъ расправилъ свои огромные
усы, понадвинулъ на глаза спальной
шлемъ и высупилъ впередъ.

Спемидъ, Грідня и нѣсколько дру-
гихъ молодыхъ воиновъ понли вмѣстѣ
съ нимъ. Дѣвушка, пропѣвая пѣсню,

сидѣла на правѣ посреди своихъ подругъ. Увидя приближающуюся толпу рапныхъ людей, она поспѣшно вскочила; хороводъ разспроился, и всѣ ея подруги, какъ дождь, разсыпались по лугу.

— » Не хорошо, господа честные! не хорошо! « кричали граждане Кіевскіе, идя въ слѣдъ за воинами; » не прогайше нашихъ дѣвушекъ! « Но молодые люди, не слушая сихъ криковъ, спали ихъ ловипь, а Фрелафъ пуспился догоняпъ пѣвицу, копорая побѣжала прямо къ Велесову капищу. » Ага! попалась пѣвунья! « закричалъ Варягъ, схвапивъ ее за руку, » Да небось, голубушка, вѣдь я не медвѣдь, не съѣмъ тебя. «

— » Пуспи меня, пуспи! « кричала дѣвушка, спараясь освободипься изъ рукъ Варяга.

— » Нѣтъ, прежде поцѣлуй, красавица... Да полно рванься-по! Я сказалъ, что тебѣ поцѣлую, и вернись себѣ какъ хочешь, а я поспавлю на своемъ. «

— » Посмотримъ! « загремѣлъ грубый голосъ у самыхъ дверей Велесова храма, и мушкетеръ колоссальнаго роста въ два прыжка очутился подлѣ Варяга. » Оспавъ эту дѣвушку! « продолжалъ незнакомый, » или я, не смотря на свою желѣзную шапку, размозжу тебѣ голову. «

— » Кому? мнѣ? « сказалъ Фреллафъ, схвативъ правой рукой за рукоятку своего меча, и продолжая держась въ лѣвой руку пойманной имъ дѣвушки. » Да кто ты самъ паковъ, что побъ смѣлъ указывать и грозить Варяжскому Випязю, Фреллафу? «

— » Я тебѣ говорю, пуспи ее, « по-
впоришь незнакомецъ, поднявъ руку.

— » Ого! ты хочешь драпья! « за-
кричалъ Варягъ, опеснупя шагъ назадъ
и выхвипивъ изъ ноженъ свой мечъ.
» Пспой, поганой Русинь, я съ по-
бой перевѣдаюсь! «

Быспрѣ молнн опуснился ппже-
мый кулакъ незнакомца, и мечъ вы-
паль изъ онѣмѣвшей руки Варяга. Дѣ-
вушка, освободясь изъ рукъ его, побѣ-
жала къ своимъ подругамъ, копорья
снова собрались въ кучу, и окружен-
ныя Кіевскими гражданами, шли пря-
мо къ городу; Фрелафъ нагнулся, чпобъ
подняпъ свой мечъ, но оглушенный
новымъ ударомъ, почпи безъ памяпп
упаль на землю.

— » Чпо, молодець, « сказаль на-
смѣшливо незнакомый, » каково цѣ-
люющя Русскія красавицы? Да чпожь

пы лежишь?... вспавай!... Ага, храбрый Випись, видно смѣкнулъ! знаешь, чпо на Руси лежачихъ не бьютъ! Да добро, пакъ и бытъ, я шебя и споячаго не спрону — вспавай!»

Фрелафъ съ спрудомъ приподнялся на ноги. » Теперь спупай къ своимъ поварищамъ, « продолжалъ незнакомецъ; » да скажи имъ, чпобъ они впередъ не обижали нашихъ дѣвушекъ. «

Но Варягъ не очнулся еще опть послѣдняго удара, и успремивъ на незнакомца свои одурѣлые и неподвижные глаза, споялъ, какъ вконаный, на одномъ мѣспѣ.

— » Ну чпожъ пы, Випись Фрелафъ, « сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, незнакомецъ; » иль у шебя языкъ и ноги опнялись? То-по же! Видно еще, брапъ, никогда не опвѣдывалъ Русскаго кулака? Ахъ, вы гра-

бишели, грабишели! нашли кого обижать, буяны! Да чего и ждешь опять шайки разбойниковъ, у которой ашаманомъ убійца роднаго своего брата.

— » Товарищи! поварищи! сюда! « заревълъ Фрелафъ, бросившись бѣжать опять незнакомца.

— » Ей пш, могучій богатырь, « закричалъ въ слѣдъ ему незнакомый, » поспой! подыми свой булашный мечъ! Неравно напкнѣшься на какую нибудь посадскую бабу, пакъ было бы чѣмъ оборониться. «

Но Варягъ бѣжалъ, не оглядываясь; поварищи его были ужъ далеко: они опправились въ слѣдъ за дѣвушками въ городъ и не могли ни слышать его голоса, ни поспѣть къ нему на помощь.

Незнакомецъ завернулся снова въ

верхнюю свою одежду, сѣлъ на одной
изъ спупней Велесова капища, и ус-
прямил по-прежнему внимательный
взоръ на вершину Кучинской горы.

III.

Прошло болѣе часу. Послѣдній свѣтъ
опть догорающей зари спановился все
блѣднѣе и блѣднѣе; пѣни сгушались,
прозрачнѣя облака темнѣли и безлунная
ночь, распилая по небесамъ свою звѣзд-
ную маншю, медленно опускалась надъ

засыпающими волнами Днѣпра. Вопь зачихло все въ окрестности и опть времени до времени глубокая тишина прерывала опдаленный гуль и глухой, невнятный говорь многолюднаго города. Огни попухали одинь послѣ другаго; вопь замолкли веселья пѣсни, зачихъ шумь по улицамъ: все покрьлось темною—и вдругь на вершинѣ Кучинской горы, въ одномъ изъ перемовъ бѣлаго зданія, замелькаль слабый огонекъ.

— » А вопь и условенный знакъ! « сказалъ незнакомый, вспавая. » Кажется... да! такъ точно, въ прешьемъ окнѣ полуденнаго перема. «

Въ близкомъ распоянїи раздался шелестъ опть шаговъ поспѣшно идущаго человека; онъ шель прямо къ божницѣ Велесовой, распѣвая въ полголоса:

Какъ во спольномъ городѣ во Кіевѣ,
Чпо у ласкова Князя Владиміра,
А и было пированье, почешный пирь,
А и было сполованье, почешный споль....

— » Эпо пы, Торопъ? « спросилъ незнакомецъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ пѣвцу, копорый, снявъ вѣжливо шапку, поклонился ему въ поясъ и сказалъ: » да, бояринъ, эпо я. «

— » И пы поешь эту проклящую пѣсню! И пы величаешь Владиміра! «

— » Не погнѣвайся, бояринъ! изъ пѣсни слова не выкинешь; а въ Кіевѣ шолько и пѣнья, чпо о Князь Владиміръ. Вопъ вечоръ я перенялъ еще пѣсенку, копорую сложилъ Соловей Будимировичъ, любимой пѣвецъ Великокняжеской. Ахъ, бояринъ, чпо за пѣсня! послушай-ка!... «

» Свѣшмель, свѣшмель мѣсяць во полуночи,
» Ясно солнышко во весенній день;
» А свѣшлѣе чиспа мѣсяца,
» А яснѣе красна солнышка
» Нашъ Великій Князь.... «

— » Молчи! « закричалъ съ непер-
пѣніемъ незнакомецъ. » Развѣ пы для
пого живешь въ Кіевѣ, чпобъ пере-
нимаешь глупыя пѣсни? «

— » Не гнѣвайся, бояринъ! пѣсни
пѣснями, а дѣло дѣломъ. Тебя дожи-
дается Богомилъ. «

— » Онъ дожидается меня, « повпо-
рилъ незнакомецъ, » и бышь можетъ, для
пого, чпобъ выдашь головою своему
Великому Князю.... Но погоди, спарая
лисица, пы не перехипришь меня, и
еслибъ шолько мнѣ удалось.... Торопъ!
Добился ли пы наконецъ шолку? —
Узналъ ли пы, у кого изъ Грідней,
или Опроковъ Владиміровыхъ нѣтъ
ни роду, ни племени? «

— » У кого! Да они почпи всѣ безродные: у одного опецъ и мапъ за моремъ, у другаго въ великомъ Новгородѣ. Въдъ при лицѣ Княжескомъ и десяти винязей не начпешъ изъ здѣшнихъ природныхъ Кіевлянъ. «

— » И пакъ пы до сихъ поръ ничего не умѣлъ провѣдашь? «

— » Да давно ли, бояринъ, я живу въ Кіевѣ? Давно ли приказалъ пы мнѣ идти въ услуженіе къ эпому Богомилу, копорый самъ ѣсптъ за десятиперыхъ, а домочадцевъ своихъ мориптъ голодомъ? Не даромъ про него сложена пѣсенка:

» А и шученъ нашъ Верховный жрецъ,

» А и шощи его слуги вѣрные;

» Ужъ какъ примется, нашъ бапюшка,

» Онъ глосашъ по цѣлому быку.... «

— » Мнѣ некогда слушашъ пвоихъ пѣсень, « перервалъ съ досадою незна-

комецъ. » И еслибъ пы поменѣ пѣль, а поболье думаль о помъ, чпо тебѣ приказано, пакъ, можепъ спашься, давно бы ужъ не жилъ у Богомила. Я знаю, чпо попъ, кого мы ищемъ, служипъ при Владимірѣ. Богомилу извѣсна эпа шайна; да опъ эпаго хипраго кудесника и самъ владыка его, Чернобогъ не добьется правды. Ты говоришь, чпо почпи у всѣхъ Опроковъ Владиміровыхъ нѣпъ ни роду, ни племени? Пуспъ пакъ! но они знаютъ своихъ опцовъ и маперей. А нѣпъ ли изъ нихъ пакого, копорый не знаетъ не только опца и маперя, но даже своей родины, и копорому не больше двадцати двухъ лѣпъ опъ роду? «

— » Да вопъ сего дня, бояринъ, передъ закапомъ солнечнымъ, я подслушаль, какъ здѣсь на Подоль шларьчъ у Княжескихъ Виписей о ка-

комъ-по Всеславъ, и одинъ усашый Варягъ, попѣшаясь надъ нимъ, называлъ его безроднымъ. Они говорили, что онъ каждый день чѣмъ-свѣпъ выѣзжаетъ изъ Кіева на своемъ ворономъ конѣ, а за чѣмъ и куда — никто изъ нихъ не знаетъ. Погоди, бояринъ, я не проронилъ эшихъ рѣчей, и можешь спаться... Да что объ этомъ говоришь, упрю вечера мудренѣе! А шеперь не пора ли тебѣ къ Богомилу? вѣдь онъ давно уже дожидается. «

— » Пойдемъ! « сказалъ незнакомецъ. » Посмотримъ, что скажешь мнѣ эпошъ премудрый бездушникъ! «

Они не прошли десяти шаговъ, какъ вдругъ Торошъ оспановился, и поднимая что-то съ земли, сказалъ: » что эпо? Бояринъ, бояринъ! посмотри-ка мою находку! Мечъ... да еще, кажешся, не проспой!... «

— » Брось его! « сказалъ незнакомецъ. » Ты человѣкъ не рапной, а онъ и шебѣ руки замараепъ. «

— » И, чпо пы, бояринъ! Онъ чинепехонекъ—за чпо бросапъ? « продолжалъ Торопъ, запыкая за поясъ свою находку. » Моженъ спашься, онъ солида чешыре спѣипъ (*); а прошу не погнѣвапъся, бояринъ, по милоспи пвоей у меня и пол-шляга за душой не оспалось: всѣ проѣлъ до-чиспа, чпобъ не умерѣпъ съ голоду, съ пѣхъ поръ, какъ живу у эпого скряги Богомила. «

Незнакомецъ не опвѣчалъ ни слова, и продолжалъ идпи молча къ шому мѣспу, гдѣ начиналась пробишая въ гору, почпи по опвѣсной линіи, кру-

(*) *Солидъ*, Греческая золотая монета погдашнего времени, величиною съ червонецъ; *шлягъ*, мѣлкая, серебряная монета.

ная пропинка. Она служила крапчайшимъ путемъ для шѣхъ, кои не хотѣли идти широкой и покойной дорогою, копорая, изгибаясь по крупному скапу и опоясывая нѣсколько разъ всю полуденную спорону Кучинской горы, вела на самую ея вершину.

Покрыпшы соломою низенькія лачужки для спорожей, клепи, поспроенныя на высокихъ сполбахъ, и обширныя огороды, копорые, начинаясь опъ средины подола, пянупись до самой подошвы Кучинской горы, были нѣкогда единспвеннымъ предмѣспьемъ сѣверо-восточной спороны древняго Кіева. Наблюдая глубокое молчаніе, незнакомый и провожапый его вошли въ одинъ изъ безчисленныхъ закоулковъ, кои соспавляли заборы и плепни, опдѣлявшіе одинъ огородъ опъ другаго. Все было тихо кругомъ. Ночныя спо-

рожа дремали у дверей своихъ избушекъ, и только изрѣдка, кой-гдѣ вскрикивалъ кузнечикъ и опъ времени до времени прохладный весенній въперокъ шеппаль въ гуспыхъ лиспяхъ кудрявой рябины, или въпвиспой черемухи.

— »Бояринъ!« сказалъ Торопъ, перрвавъ наконецъ продолжипельное молчаніе. »Хопъ и не приспало бы мнѣ первому заводипъ съ побою рѣчь; но не погнѣвайся, если я спрошу тебя: ради чего ты живешь такимъ оппельникомъ? Когда мы были еще на чужой споронѣ, ты больно посковалъ погда о свяпной Руси; да и не диво: Хвалисской городъ Апсель, въ копоромъ мы жили, въ пригородѣ Кіеву не годипся; а объ Хвалисахъ, Узахъ, Печенѣгахъ и говоришь нечего: народъ поганой, хуже чѣмъ эпа Чудь бѣлогла-

зая и Мещера долгополая. Помнишь ли, бояринъ, бывало какъ запыну пѣсенку:

Ужъ какъ пошно, пошно ясну соколу
Съ коршунами жить....

шакъ у шебя слезы на глазахъ навернѣтся. Ну воптъ, по милоспи боговъ, мы оцянѣ на своей родинѣ, и ужъ годовъ пяпокъ побольше, какъ ушли съ побою изъ земли Печенѣжской, а чпо полку-по? Ты забилса въ лѣсъ, живешь въ лачужкѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ! Да эшакъ все равно, еслибъ пы и вовсе у Печенѣговъ оспалса; лѣса шамъ не хуже здѣшнихъ, а Волга-по почище нашего Кіевскаго Днѣпра: какъ расходилса, мапушка, шакъ словно море Хвалисское, еспѣ гдѣ поразгуляшьса: не сядешъ на мель, не напкнешьса, какъ у насъ, на пороги.

Нѣшь, бояринъ, воля пвоя, а жишьє пвое не жишьє. Э! знаешь ли чпо? Вѣдь я еще шебѣ объ эпомѣ не сказываль. Ты здѣсь не одинъ живешь въ лѣсу: я недавно набрель на хижину спараго дровосѣка. Предобрый человекъ! Я заплупался и успаль до смерпи, а онъ не спросиль даже кпо я, а накормиль и напоиль какъ роднаго. Я заходилъ къ нему еще раза два; и въ послѣднй разъ близко часу проболпаль съ его дочерью.... Ну ужъ дѣвушка! сродясь такихъ не видываль! Какъ подумаеть, чпо такая красавица живетъ почпи одна одинехонька въ дремучемъ лѣсу! Эхъ, сиропинка, сиропинка горемьчная! Другія пѣсенки попѣвають, играютъ въ хороводахъ, коледуютъ, вѣнки заплешаютъ, да жениховъ высмаприваютъ, а она, сердечная, словно горлинка одинокая и свѣ-

пу божьяго не видишь! Только и опрады-шо, что пойдешь иногда побродить по лесу, да послушаешь, какъ пшички поюшь. Она говоритъ, что любишь мои сказки; не диво! что ей, голубушкѣ, опять скуки-шо дѣлать? Съ кѣмъ словечко перемолвишь? Опець ея часно уходитъ въ Кіевъ, такъ сидишь все одной, опять ранняго утра до позднихъ сумерекъ, вѣдь этакъ и одурь возьмешь—день деньской за верепеномъ.... Э! чуть было не забылъ! Она просила меня купишь ей верепено по-узорчатѣе! Купишь-шо я купилъ, да когда удася къ ней опнеспи. Что, бояринъ, завтра я тебѣ не надобенъ—ась? что?... Да пы меня не слушаешь? « примолвилъ болливый Торопъ, замѣпивъ наконецъ, что господинъ его говоритъ въ полголоса съ самимъ собою и не обращаетъ никакого вни-

манія на его слова. » Бояринъ, бояринъ!... «

— » Ну, что?... « спросилъ незнакомый съ разсыяннымъ видомъ, » о какомъ ты говоришь верепенъ? «

— » А вопъ объ эпомъ, « сказала Торопъ, вынимая изъ за-пазухи раскрашенное яркими красками деревянное верепено. » Я купилъ его для дочери дровосъка, о которомъ сей-часъ тебѣ рассказывалъ, и если ты дозволишь... Поспой, поспой, бояринъ!... Нишника... « продолжалъ въ полголоса Торопъ, указывая пальцомъ на уголь дощатого забора, на которомъ опра-вился слабый свѣтъ. » Что это?... никакъ сюда идуть съ огнемъ? «

— » Въ самомъ дѣлѣ? « опвѣчалъ незнакомый, » я слышу шорохъ... да, почно! сюда идуть. «

Яркой свѣтъ блеснулъ изъ за-утла

забора и шагахъ въ придцапи опъ
нихъ показались двое рослыхъ мушннъ,
поспѣшно идущихъ. Одинъ изъ нихъ
несъ въ рукѣ зазженный факель, опъ
копорога свѣпъ, опражаясь на спаль-
номъ шлемѣ его поварища, вполне
освѣщаль его краеннй носъ и огром-
ные рыжге усы.

— » Спрячемся, боярнн! « шепнулъ
съ примѣпной робостню Торопъ. » Эпо
рапные люди; а одннъ-по изъ нихъ,
вопъ попъ, чпо идепъ съ огнемъ,
кажешся, Спемидъ, ближннй Спремян-
ннй Великаго Кннзя. «

— » А какое мнѣ до эпого дѣло? «
перерваль незнакомнй. » Развѣ дорога
проложена для одннхъ Спремянныхъ
Кннжескнхъ? «

— » Эхъ, боярннъ, шебъ какое дѣло,
да меня-по онъ знаепъ; пакъ ладно
ли будепъ, если онъ спанепъ разска-

зывать, что слуга Верховнаго жреца паскается по ночамъ невѣдомо съ какими людьми? Спрячемся хопъ въ эпомъ пуспомъ шалашъ; они мигомъ пройдутъ.»

Незнакомый, хопя съ примѣшнымъ неудовольствіемъ, но послушался Торопа, и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ небольшой плешивый балаганъ, прилоненный къ самому забору.

Черезъ полминуты проходящія поровнялись съ шалашемъ. Торопъ не ошибся: одинъ изъ нихъ былъ почно Спемидъ, а въ поварищѣ его, неукложемъ воинъ съ рыжими усами и краснымъ носомъ, вѣроятно, чипапели наши узнали уже Варяжскаго Мечника Фрелафа.

— » Спои! « вскричалъ Спемидъ, прошедши мимо шалаша, » я нейду дальѣ.»

— » И, полно, « сказалъ Варягъ, » пойдемъ! ужъ недалеко оспалось. «

— » Да куда же ты меня пащишь? Послушай, Фреллафъ! ужъ не издѣваешь-ся ли ты надо мною? «

— » Чпо ты, Спемидъ!... Клянусь тебѣ Оденомъ....

— » Добро, не клянись, а щупи надъ тѣмъ, кпо тебя глуше. «

— » Да развѣ я не говорилъ тебѣ, чпо мы, какъ вѣрные слуги Княжескіе, должны сослужить ему службу? «

— » Да, ты говорилъ мнѣ эпо, когда поймалъ меня у самага перемнаго двора, заспавилъ взять эпопъ свѣпочъ, и попащилъ вмѣспѣ съ собою; но я хочу знать, о чемъ идетъ дѣло, и безъ эпого не пронусь съ мѣспа. «

— » Ну такъ слушай же, Спемидъ. Здѣсь на подоль, у самага храма ваше-

го Бога Велеса, скрываюся враги Великаго Князя. «

— » Какъ шакъ? «

— » Да шакъ. Помнишь, какъ я погнался за дѣвушкой, копорая шакъ хорошо пѣла въ хороводѣ? ... Ну, вопшь я наспигъ ее у самой божницы, спалъ цѣловашь, и надобно сказашь правду, она небольшо опбивалась. Вдругъ опкуда не возьмись пребольшой мужчина, да и ну позоришь, и добро-бъ меня, а шо нашего Великаго Князя; я припугнулъ его порядкомъ, а межъ шѣмъ побѣжалъ за вами, шпобъ вы помогли мнѣ связать его, и шпы попался мнѣ первый. Ну, шеперь знаешь, куда и за чѣмъ шпы идешь со мной? «

— » Куда — знаю; а за чѣмъ — не вѣдаю. «

— » Какъ не вѣдаешь? Вѣспимо за

чѣмъ—чпобѣ схватишь эпого разбойника. «

— » Да не ужели пы думаешь, чпо онѣ спанеть памѣ дожидась допгѣхъ порѣ, пока за нимѣ придупѣ и скрупяпѣ руки назадѣ?... Я чаю, ужѣ пеперь давнымѣ давно и слѣдѣ его проспымѣ. «

— » А почему знапѣ? «

— » Нѣпѣ, Фрелэфѣ! я успалѣ, и не хочу всю ночь бродипѣ по-пустому. Прощай! «

— » Эхѣ, брапецѣ, поспой! Ну, если намѣ не удастся пойманѣ эпого злодѣя, пакѣ авось опыщемѣ мой мечѣ. «

— » Твой мечѣ? «

— » Ну, да! Вотѣ видишь: какѣ эпопѣ разбойникѣ спалѣ позорипѣ нашего Князя, пакѣ у меня вся кровь закипѣла въ жилахѣ! Ты знаешь, Спемидѣ, я дѣпина доброй; а ужѣ если расхожусѣ... «

— » Знаю, брапець, знаю. «

— » Говоришь непригожія рѣчи о напѣмъ Великомъ Князѣ! и при комъ же? при молодцѣ Фрелафѣ! Вѣришь ли, Спемидъ, меня взяло шакое зло, чпо я земли подь собой не почувяль. «

— » Вѣрю, вѣрю! «

— » Выхватилъ мечъ, да какъ махнулъ со всего плеча могуча. Ну, счапливъ, разбойникъ! ка-бы я не обмишулся, шакъ раскроилъ бы его на двое. «

— » А ты промахнулся? «

— » Промахнулся, брапець, и вмѣсто головы эшого шального, хватилъ по камню. Баппошки мои! какъ посыплюся искры!... «

— » Еге! « перервалъ Спемидъ. » Топпо насъ всѣхъ и освѣпило; а ужъ мы думали думали, чпо за диковинка шакая?... «

— » Камень разлепѣлся въ дребез-

ги... « продолжалъ Варягъ, ни мало не смущаясь.

— » И одинъ осколокъ, « перервалъ снова Спемидъ, « попалъ въ голову Городскому Вирнику, копорый на шу пору обходилъ Кіевскія улицы. «

— » Эхъ, брапецъ, пы наспояцій гусярь! Тебъ бы все глумишься, да скоморошничать. Я говорю дъло. Вопъ, какъ ни крѣпко я держалъ въ рукъ мечъ, а онъ вылепѣлъ. «

— » Зачѣмъ же пы его не под-
нял? «

— » Зачѣмъ! запѣмъ, чпо я бо-
ялся упустишь этого злодѣя, и побѣ-
жалъ скорѣй за вами. «

— » Такъ вопъ какую службу я дол-
женъ сослужипъ Великому Князю: по-
мочь шебъ опыскашь пвой мечъ!
Нѣшь, Фрелашъ! поберегу мой живопъ

до поры до времени, а эта служба мнѣ не подь-силу. Прощай!»

— » Постой, братаецъ! да сдьмай отеческую милосшь, дойди вмѣстѣ со мною. «

— » Кой прахъ, Фрелафъ? ужъ не боишься ли пы идни одинъ? «

— » Кпо? я боюсь? Чпо пы, братаецъ! Да давай на одного меня днем пол-сопни молодцевъ—усомъ не поведу! Но теперь дѣло ночное: кпо знаешь, чпо случился? Моженъ спашься, ихъ памъ много: зайдупъ съ пыла, напкнешься на засаду.... мало ли рапныхъ хипроспей? Тупъ храбросшь не моженъ; вдвоемъ по-ли дѣло: спали спинами другъ къ другу, да и кашай на всѣ спороны! Ну, понимаешь ли теперь?... «

— » Понимаю, храбрый Випись, понимаю! Я только одного въ шолкъ не

возьму, въ кого пы уродился? Въ свои земляки взрослые на бояхъ, удалые войны, молодцы; а пы... «

— » Чпо я?... «

— » Да какъ бы тебѣ сказать? Бабой тебя назвать нельзя: усы велики; Грекомъ также не назовешь: у тебя рѣжкіе волосы; а Варягомъ назвать спыдно. «

— » Чпо пы, брапецъ? Не ужли въ самомъ дѣлѣ думаешь, чпо я робью? Да не будь я Фрелэфъ, сынъ Руслава, внукъ Руальда и правнукъ Ингелопы; да чпобъ на моей признѣ пѣли не скалды вѣще, а каркали черные вороны; чпобъ въ мой доспѣхъ наряжались спарыя бабы и, вмѣсто меча, изъ моихъ рукъ не выходило верепено съ пряжею... «

— » Возьмижъ свой мечъ, могучій

богатырь, Фрелафъ! « сказалъ чпо-по позади насмѣшливымъ голосомъ.

Варягъ обернулся, оппрыгнулъ назадъ и вскричалъ съ ужасомъ: » эпо онъ! «

— » Да, эпо я! « продолжалъ спокойно незнакомый. » А вопъ швой мечъ « прибавилъ онъ, бросивъ чпо-по къ ногамъ Фрелафа. » Подыми его, добрый молодець, да смопри поберегай: онъ шебъ по плечу. «

Сказавъ сіи слова, незнакомый пуспился скорыми шагами всльдъ за небольшимъ чловѣкомъ, копорый, закрывая лице полою своего кафпана, бѣжалъ, не оглядываясь, по пропнкѣ, ведущей на вершину Кучинской горы. Въ пол-минуты они оба исчезли изъ глазъ Спемиды.

— » Опкуда взялся эпопъ долго-

вязой? « спросилъ онъ наконецъ, переспавъ смопрѣшь въ ту спорону, гдѣ скрылся незнакомый. » Не видалъ ли пы, Фрелафъ? «

Варягъ не отвѣчалъ ни слова.

— » Чпожь пы, « продолжалъ Спемидъ, » онѣмѣлъ чпо ль? Фрелафъ, а, Фрелафъ!... Да очнись, брапецъ! «

— » Эпо онъ! « промолвилъ, заикаясь, Варягъ.

— » Кпо онъ? «

— » Точно онъ! «

— » Да кпо? «

— » Ну воптъ поптѣ самый, чпо давича у Велесовой божницы!... «

— » Такъ чпожь пы прозѣвалъ его? «

— » Прозѣвалъ!... Нѣптъ, брапецъ, полно шеперь спорипъ! До сихъ поръ я не давалъ вѣры рѣчамъ вашимъ; бывало какъ вы начнете рассказывать

о Кіевскихъ вѣдмахъ и злыхъ чародѣяхъ, шакъ я и слушапъ не хочу; шеперь всему вѣрю! Ахъ, бапшошки! чпо эпо?... Лишь полько эпопъ кудесникъ дѣхнулъ мнѣ въ лице, шакъ у меня и руки опустились, и ноги онѣмѣли, и даже языкъ опнялся. Ну, не диво же, чпо я давича промахнулся: онъ опвелъ мнѣ глаза... да, да! онъ почно меня обморочилъ: вмѣсто себя подсунулъ камень, а самъ сквозь землю провалился. «

— » Спашься можепъ, Фрелафъ; полько я слыхалъ, чпо опъ испуга шакже языкъ опнимаешся. «

— » Да помилуй, брапець! Если эпопъ разбойникъ не чародѣй, шакъ опкуда же онъ взялся? «

— » А вопъ, можепъ быпъ, изъ эпого шалаша. «

— » Какъ бы не шакъ! Какъ я

обернулся, пакъ онъ еще по колѣни
быль въ земль!... Да развѣ не слышешь,
Спемидь? Фу, какой смрадь! «

— » Нѣтъ, я ничего ни слышу. «

— » Чпо пы, брапецъ! Такъ и па-
хнепъ преисподнею... Уйдемъ скорѣй
опсюда. «

— » Погоди, Фрелафъ; подьми пре-
жде свой мечъ. «

— » Мой мечъ? «

— » Ну да! онъ бросимъ чпо-по
вопъ здѣсь на земь; сказалъ, чпо эпо
пвой мечъ, и совѣповаль шебъ побе-
регашъ его. «

— » Въ самомъ дѣлѣ! « вскричалъ съ
радоспю Фрелафъ. » То-по же! видно
не подь-силу пришелся эпому раз-
бойнику. Да гдѣ же онъ? «

— » Поспой! « сказалъ Спемидь на-
клонясь; » вопъ здѣсь, кажется... Чпо
эпо? « продолжалъ онъ, подьмая съ

земли большое росписное верепено. » Ну, брапъ, подшупилъ же онъ надъ побою! посмопри, каковъ пвой мечъ? «

— » Какъ!... верепено!... «

— » Да, да, верепено! « повпорилъ Спемидъ, умирая со смѣху. » Ай да молодець! Ну, пеперь и я вижу, чпо онъ чародѣй. «

— » Ахъ, онъ собака! « заревѣлъ Варягъ. » Поспой, разбойникъ, вопъ я шебя!... Держи его, держи! «

— » Полно горланишь-шо, Фрелафъ! Не умѣль держашъ, когда онъ былъ у шебя подъ носомъ, а пеперь орѣшь. «

— » Ахъ, онъ прокляпой кудесникъ! да я на днѣ морскомъ его опыщу! Чпобъ я не опмспилъ за эту обиду, — я, Фрелафъ, сынъ Руслана, внукъ Руальда... «

— » И правнукъ Ингелопа, « примолвилъ Спемидъ. » Въ самомъ дѣлѣ,

эпопть черодѣй вовсе не уважаетъ пвоихъ предковъ; однако, я чаю, пы не погнѣваешься на меня, если я не опдамъ тебѣ эпого росписнаго меча? Дозволь мнѣ похваспаться имъ передъ поварищами!... «

— » Чпо пы, Спемидь! « вскричалъ Фрелафъ. » Пожалуйспа, не рассказывай ни кому, пока я не опомщу за эту смерпную обиду. Ты знаешь нашихъ молодець: какъ попадешся имъ на языкъкъ эпо верешено, пакъ мнѣ жипья не будешъ. «

— » Слушай, Фрелафъ! « сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, Спемидь; » я парень доброй—пакъ и бышь, не перескажу ни кому о помъ, чпо видѣль; за шо и пы не могли никогда хваспаться передо мною своимъ удалспвомъ и богатырспвомъ. Безъ меня, пожалуй себѣ, на здорвье, ломай дубья,

бери города, разбивай кулакомъ спѣны каменныя, хваспай сколько душъ угодно; но при мнѣ, если ты занкнешься объ эпомъ, а пуще коли вымолвишь хоть одно непригожее слово о Княжескомъ Опрокѣ, Всеславѣ... смопри, берегись! Эпопъ мечъ-кладенець будетъ всегда со мною, и я при всѣхъ тебѣ его опдамъ... Ну, теперь пойдемъ, пора спать. Ахъ, онъ лѣшій прокляпой! « продолжалъ Спемидъ, пройдя нѣсколько шаговъ и принимаясь снова смѣяться; » и пришло же ему въ голову!... Да кто ему шепнулъ, разбойнику, что ты храбрый выпязь, Фрелавъ! Ну, видно, онъ въ самомъ дѣлѣ кудесникъ! «

Приспѣженный Варягъ, повѣсивъ голову, опсправился вмѣстѣ съ Спемидомъ по дорогѣ, ведущей въ Кіевъ. Онъ молчалъ, какъ убитый, и только

изрѣдка, когда громкой хохотъ его поварища прерывалъ ночную пищину, бормошалъ про себя, пошевеливая своими огромными усами: » смѣйся, смѣйся, проклятый Русинъ! Засмѣялся бы ты у меня, ка-бы я былъ самъ-препей, или самъ-чепверштъ! «

IV.

Въ высокомъ перемѣ, изъ копора-
го можно было окинуть однимъ взгля-
домъ большую часть Кіева и живопис-
ныхъ его окрестностей, за дубовымъ
рѣзнымъ споломъ сидѣлъ Богомилъ,
Верховный жрецъ Перунова капища.

Блѣдный свѣтъ отъ споящей передъ нимъ лампады, слабо отражался на бревенчатыхъ стѣнахъ свѣтлицы, разделенной на-двое высокой деревянной перегородкою. Серебряные сосуды различныхъ формъ и нѣкопорья другія вещи, служащія для жерпвоприношеній, разставлены были въ порядкѣ на двухъ полкахъ, также украшенныхъ рѣзбою. Съ другой стороны стола на скамьѣ, покрытой пушистымъ мѣхомъ сѣраго волка, сидѣлъ любимецъ Богомила, Люпоборъ. Запнувшись за поясомъ широкій жерпвенный ножъ былъ единственнѣмъ признакомъ его званія. Люпоборъ занималъ мѣсто старшаго жерпвоприносителя и пользовался властію, почти равною съ могуществомъ Верховнаго жреца. Блѣдно-желтоватое лице его, похожее на безобразную восковую личину, непо-

движныя, рѣзкія черпы, оплипыя въ какую-по идеальную форму, въ копорой не было ничего человѣческаго, совершенное опсупспвіе жизни въ пусклыхъ, бѣловапыхъ глазахъ—словомъ: все въ эпомъ живомъ мерпвецѣ было ужасно и опврапипельно. Когда онъ молчалъ, по походилъ на бездушный пруръ; начиналъ говоришь, и всякой съ перваго взгляда почель бы его адскимъ духомъ, копорый, въ видѣ мерпвеца, бесѣдуепъ съ повелипелемъ своимъ, Верховнымъ жрецомъ, Богомиломъ. Казалось, сей послѣдній чипалъ съ большимъ вниманіемъ пергаментпный свипокъ, исписанный Руническими буквами; прудно было бы опредѣлишь, какого рода онущенія волновали въ эпю минупу чесплюбивую и злобную душу сего хипраго спарика. Въ его сѣдыхъ, почпи сросшихся бровяхъ, на

высокомъ наморщенномъ челѣ изображалось безпокойство; сверкающіе изподъ густыхъ рѣсницъ глаза горѣли неперпѣнемъ; онъ пожиралъ ими безконечныя столбцы развернутой рукописи; но улыбался, но хмуриль брови, казался довольнымъ, и вдругъ чело его покрывалось новыми морщинами. Онъ покачивалъ съ сомнѣнемъ головою, переспавалъ чинапъ и, облокотясь на руку, предавался глубокой думѣ; потомъ снова принимаясь за рукопись, и наконецъ, оппюлкнувъ ее съ досадою опъ себя, сказалъ въ полголоса: » нѣтъ! всѣ эпіи чужеземныя обряды мнѣ вовсе не по душѣ.... Арконской Свѣповидъ ничѣмъ не лучше нашего Перуна.... Конечно, Спепинской храмъ великолѣпнень.... эпіи сокровища.... эпіи Византійскіе пурпуровыя ковры.... эпіопъ бѣлый конь Свѣпо-

видовъ, прорицающій будущее, все должно дивить и поражать священнымъ ужасомъ народъ; но Владиміръ.... нѣтъ, не по надобно Владиміру!... Не даромъ каждую ночь чернѣй воронъ каркаетъ надъ кровлею моего дома.... Чу!... слышишь, Люпоборъ, вѣщій его голосъ? Не даромъ въ самую полночь спан голыхъ псовъ воютъ подъ окнами моего перема; и часно среди ночной тишины, когда измученный люпой бессонницей, я начинаю смыкать усталые глаза мои, внизу за Днѣпромъ раздаются дивные голоса въ воздухъ: я слышу опвращивельный хохотъ Русалокъ, пронзительные вопли Кикиморъ, и Долобское озеро реветъ, какъ дикой вепрь. Ахъ! чуешь мое сердце.... Люпоборъ! мы спимъ на краю пропасти, и близко.... да! близко къ часъ нашей гибели! «
 Спрашилище зашевелило губами, и

что-то похожее на человеческій голосъ вырвалось изъ груди его; казалось, оно повспорило съ удивленіемъ послѣднія слова Богомила.

— »Такъ!« продолжалъ Верховный жрецъ. »Если мы не предупредимъ грозящей намъ бѣды, то гибель наша неизбежна. Ты долженъ знать все, Лютоборъ.... да! одному тебѣ могу я открыть эту тайну.... Ты всѣми ненавидимъ; Вельможи и даже самъ Владимиръ, смотрявъ на тебя съ отвращеніемъ; ты живешь, ты дышишь, ты созданъ мною. Слушай! Вопль уже близко мѣсяца, какъ Великій Князь не выходя изъ своей одрини (*); какъ тяжкой свинецъ, крѣпкая дума лежитъ на душѣ его; замолкло все въ его свѣшлыхъ гридницахъ, и глядя на кру-

(*) Опочивальня.

чину своего Государя, приуныли знаменитые бояре, могучие богатыри и все храбрые его воязды; но никто не знает, о чем скорбят и поспевают Владимиръ. Я одинъ знаю это, и препошу, Лютоборъ!... Владимиръ начинаетъ презирать и гнушаться вѣрою отцевъ своихъ! «

Живой мерзвецъ вздрогнулъ, неподвижныя черты лица его одушевились, и онъ вскричалъ почти съ ужасомъ: » какъ!... Владимиръ? Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Набожный Владимиръ, который соорудилъ сей великолѣпный храмъ Перуну, не пожалѣлъ своего серебра и злата на изваяніе кумира, которому дивятся все гости иноземные; Владимиръ, который приноситъ сполна чашныя жертвы, осѣняетъ дарами себя и всехъ жрецовъ.... «

— » Да! « перервалъ Богомилъ. » Тотъ

самый Владиміръ, который недавно преклонялъ колѣна не только передъ кумиромъ всемогнщаго Перуна; но предъ жерпвенниками Сприбога, Позвизда и Купалы, съ презрѣніемъ опвергаешъ мольбы мои, и не желаетъ присупспвовашъ при священныхъ нашихъ обрѣдахъ. Въ послѣдней бесѣдѣ со мною, когда я убѣждалъ его прибѣгнушь къ богамъ: »ибо они одни,« сказалъ я, »могутъ излѣчить душевнѣй пивой недугъ,« онъ нахмурилъ свои грозныя брови и, покачавъ печально головою, сказалъ: »нѣтъ, Богомилъ! пивой Перунъ безмолвспвуешъ: или ничипожныя жерпвы, побой приносимыя, недоспвойны его; или мы въ слѣпопѣ нашей покланяемся не пому, кто правитъ вселенною и держитъ въ рукѣ своея сердца владыкъ земныхъ! Въ душѣ моея созрѣла мысль, — я исполню ее!

»Не всѣ народы, подобно намъ, члупуть
»Перуна, не всѣ жерпвенники ороша-
»ются кровью безсловесныхъ живоп-
»ныхъ. Я не могу долѣе смопрѣшь на
»эпу бойню, копорую вы называепе
»жерпвоприношеніемъ. Мнѣ скучно
»сльпнапъ ваши хороводныя завыванья,
»копорья вы именуепе священными
»пѣснями; мнѣ надоѣли ваши порже-
»спва и обряды—эпи попѣхы малыхъ
»дѣпей, эпи женскія игрища, въ коихъ
»ничпо не попрясаепъ мою душу, ни-
»чпо не наполняепъ ее благоговѣніемъ
»и ужасомъ. Нѣпъ, я не доволенъ въ-
»рою опца моего!« Такъ говорилъ
Владимірь, и въ сверкающихъ очахъ
его, въ семъ мочномъ орлиномъ взгля-
дѣ, я прочель смерпный приговоръ
нашъ: мы погибли, Люпоборъ! «

— »Никпю не долженъ погипапъ
безъ бою!« сказаль, помолчавъ нѣ-

сколько времени, Люпоборъ. » Изъ рѣчей пивонхъ я угадываю, чего жаждеть душа Владиміра. Не называлъ ли онъ жерпвы, приносимыя побой, ничпожными; наши обряды и поржеспва женскими игрищами? И подлинно, подумай самъ: можно ли взирапъ съ благоговѣніемъ и ужасомъ на изображеніе кропкаго божеспва, копорому приносяпъ въ даръ начапки плодовъ земныхъ, пару голубей, шельца... Нѣпъ, Богомилъ! Не безсловесныя жерпвы падаюпъ подъ священнымъ ножемъ жрецовъ Варяжскихъ! Вспомни, чпо рассказывалъ шебъ о своемъ богѣ, Оде нѣ эпопъ чужеземный пѣвецъ, Фенкаль, копораго всѣ Варяги называюпъ своимъ вѣщимъ скальдомъ?... «

— » Чпо пы говоришь, Люпоборъ? « вскричалъ съ живоспію Верховный жрецъ, вскочивъ съ своего мѣ-

спа. » О, какимъ свѣпомъ пы оза-
рилъ меня! Такъ, вѣрный мой пова-
рищъ! не кропкіе обряды и порже-
спва, не сладкогласное пѣніе передъ
кумиромъ Перуна, не мирныя попѣхы
въ честь боговъ попрясупъ и оча-
руюпъ, закаленную въ бояхъ, буйную
душу Владиміру; не шого пребуепъ
взлелѣянный на бранномъ щипъ сей
доспойный сынъ кровожаднаго Свято-
слава. Нѣпъ! не уходился еще эпопъ
дикой звѣрь: пресыщенный нѣгою, онъ
заснулъ на-время... Почшимъ же до-
спойно его пробужденіе!... Ты хочешь
крови, Владиміръ... добро! мы попѣ-
шимъ шебя. «

Богомилъ призадумался, и послѣ ми-
нупнаго молчанія продолжалъ, обра-
щаясь къ своему наперснику: » завп-
ра же надобно пригласишь на совѣща-
ніе именипыхъ бояръ и выпязей Кня-

жескихъ. Я скажу имъ, что разгнѣван-
ные боги невѣріемъ многихъ нечеспи-
выхъ гражданъ Кіевскихъ, пребудушь
необычайныхъ жерпвъ; что доколь
кровь человѣческая не обагришь жер-
пвенникъ Перуновъ, ничто не уврачу-
епъ душевнѣй недугъ Владиміра и не
разсѣепъ его мрачныхъ помысловъ. Я
назначу самъ жерпву, угодную небе-
самъ; ибо мнѣ одному, какъ Верховно-
му жрецу Перуна, опкрыща воля бо-
говъ. «

— » А шакъ какъ эпа воля для те-
бя всегда опкрыща, « перерваль Лю-
поборъ, » шо, вѣрояшно, ты можешь
пеперь уже сказаць, на кого долженъ
пасць сей жребій. «

— » На кого?... Люпоборъ! подни-
мепся ли рука пивоя, вонзишь ли пы
безъ пренена пивой жерпвенный ножъ
въ грудь Варяга? «

— » Въ грудь Варяга!... « повпорилъ съ удивленіемъ Люпоборъ. » Но что скажешь его единоземцы, эти гордые поклонники Одена, едва признающіе надъ собой власть Великаго Князя? Богомилъ! ты знаешь, что рука моя не дрогнетъ; но я желалъ бы лучше принести на жертву десять Кіевскихъ гражданъ, чѣмъ одного Варяга. «

— » Даже и тогда, если энопъ Варягъ Хрисціанинъ? «

— » Хрисціанинъ! « вскричалъ Люпоборъ. » Хрисціанинъ! « повпорилъ онъ, заскрежетавъ зубами. » О! давай его сюда, Богомилъ! И клянусь преисподнею, еслибъ онъ былъ родной брагъ мой, единственное мое дѣтище, любимый випязъ Велико-Княжескій... «

— » Нѣтъ, онъ проспой гражданинъ. Помнишь ли ты, какъ дней десять

тому назадъ, совершивъ обрядъ жертвоприношенія, я вышелъ изъ святилища, чѣмъ благословилъ народъ, котораго похитилъ на площади вокругъ храма? Всѣ пали ницъ; одинъ только бѣдноодышнѣй, но виднѣй собою мужъ не преклонилъ главы своей. Какъ теперь вижу предъ собою эпо величественное и спокойное чело! Съ какимъ обиднымъ состраданіемъ смотрѣлъ эпо на горделивецъ на полпу народа, опдававшего мнѣ должную почестъ! Съ какимъ припворнымъ добродушіемъ онъ покачивалъ печально головою и, казалось, хотѣлъ сказать: » бѣдные! вы не вѣдаете сами, что пворите въ слѣпотѣ вашей! « Во всю жизнь мою не изгладился изъ моей памяти эпо съ усупремленнымъ на меня взоръ. О! я проспилъ бы ему, еслибъ онъ пылалъ злобою!... Нѣтъ! я прочелъ въ немъ

одно презрѣніе! Понимаешь ли ты, Лютоборъ, какъ долженъ я ненави-
дѣть этого надмѣннаго Христіанина?
Съ перваго взгляда я узналъ въ немъ
одного изъ Сопниковъ Варяжской
дружины, копорый, измѣнивъ вѣрѣ
опцевъ своихъ, давно уже живетъ
проснѣмъ гражданиномъ и не слу-
житъ въ числѣ рапныхъ людей Ве-
лико-княжескихъ. Его звали Русланомъ,
а теперь зовутъ Теодоромъ.»

— » И боги изберутъ его?... «

— » Нѣтъ, Лютоборъ! смерть не
испугаетъ Варяга, и ничто не воз-
мутитъ надмѣнной души Христіа-
нина: онъ съ тѣмъ же спокойнымъ
челомъ пойдетъ на смерть, съ какимъ
идетъ на брачное поржесство. Но онъ
опецъ, у него есть сынъ, прекрасный
опрокъ.... «

— » А, понимаю! «

Богомилъ замолчалъ, призадумался; снова крупной лобъ его покрылся морщинами; въ блуждающихъ взорахъ изобразилось безпокойство, и онъ промолвилъ въ полголоса: » но если и это средство, возбудишь набожность Владимира, останется тщетнымъ, если — я спрашусь вымолвить это слово!... если онъ.... захочетъ сдѣлаться Христіаниномъ?... «

— » О, я не опасаюсь этого! « перервалъ Люшоборъ. » Когда отецъ его, не смотря на всѣ просьбы своей матери, не осмѣлился принять вѣры, презираемой его храброю дружиною.... «

— » На что не осмѣлился Владимиръ! Люшоборъ! ты не знаешь всю твердосць этой непоколебимой души. Одинъ онъ можетъ разрушить храмы боговъ нашихъ, низвергнувъ кумирь Перуновъ и на вѣки испребитъ вѣру

опщевъ своихъ. Чпо проптивоспанепть его мочной вольт? кпо дерзепть не послѣдоваць примѣру Владиміра? Нѣтъ! если ненависныя Хрисіане успѣюць обольспнпть его, тогда, о! тогда или боги, во гнѣвъ своемъ, изрѣкуць смерпть Владиміру; или мы погнбнемъ! да, не пугайся, Люпоборъ! Не пы будепть исполнителемъ воли боговъ: я знаю одного безспрашнаго мужа, копорый по единому мановенію рѣки моеѣ прозвнпть сердце Владиміра. Моя ненависть къ Θεодору, ко всѣмъ Хрисіанамъ ничпо въ сравненіи съ злобою, копоруо онъ пшпаепть въ душѣ своей къ сему правнуку Олега. Онъ снялъ на себя кляпвенное обѣщаніе, не выполненное ни опцемъ его, ни дѣдомъ, воздаць зломъ за зло, кровью за кровь. Онъ жилъ долго у Печенѣговъ, ѣздилъ въ Византію, и

успѣлъ склонить на свою сторону хитраго Государя Греческаго, для котораго могущественный Владиміръ съ каждымъ днемъ спановиися опаснѣе. Ласкаясь надеждою, что онъ не только совершилъ кровавую мести свою, но возвратилъ попомку древнихъ Князей Кіевскихъ законное ихъ наслѣдіе.... «

— » Какъ! « перервалъ Лютоборъ, » не ужели не совсѣмъ еще испребился родъ Аскольдовъ? «

— » Нѣтъ. Единственная опрассь сихъ несчастныхъ Князей, сынъ внуки Аскольдовой, которая съ опцемъ своимъ успѣла укрыться опъ мечей убійць въ землю Хорватскую, живъ еще. По неисповѣдимой воли боговъ, сей юноша служилъ теперь правнуку того, кто опнялъ его наслѣдіе и умерщвилъ его прадѣда. «

— » Кпо же изъ Виписей Княжескихъ эпопть попомокъ Аскольда? «

— » Тайна сїа не многимъ извѣсна. Я знаю ее; но опкрою не прежде, пока не испошу всѣхъ средспвъ къ нашему спасенію. «

— » Но какъ узналъ пы эту пайну? « спросиль съ любопытствомъ Люпоборъ.

— » А вопть слушай, я раскажу тебѣ все. Лѣпть восемнадцать пому назадъ, когда покойный Князь Свяпославъ Игоревичъ прїѣхаль въ Кїевъ повидаться съ своею маперью, Княгиней Ольгою, случилось ему быпть на охопть близъ горы Херевицы за Выпегородомъ: онъ прїгласиль и меня, вмѣспть съ нимъ, позабавипсья сѣй любимой его попѣхою. Вопть эпакъ подъ вечеръ, когда Князь, бесѣдуя со мною, ѣхаль уже съ поля, какой-по высокой

мужъ выскочилъ изъ-за куста и хотѣлъ хвапншь его по головѣ бердышемъ; Князь увернулся, и вся свипа бросилась за разбойникомъ, который пуспился бѣжапъ въ самую средину лѣса. Все это произошло въ нѣсколь-ко мгновеній; но исполинскій роспъ незнакомца и грозныя черпты лица его глубоко врѣзались въ моей памя-ни. Воевода Препичъ и прое другихъ Княжескихъ Випязей, гонясь за нимъ по пяпамъ, наѣхали на небольшую избушку, поспроенную въ глубокомъ оврагѣ. Випязи продолжали гнапъся за разбойникомъ, а Препичъ сошелъ съ коня, заглянулъ въ эту лачужку, и нашель въ ней почти груднаго ребен-ка, весьма бѣдно одѣпаго, но у копо-раго на шеѣ висѣла небольшая золо-тая гривна прехипрой рабопны. Когда Випязи возврапнулись назадъ не пой-

мавъ убійцу: по, размысливъ хоро-
шенько, что въ эпои избушкѣ некому
жить, кромѣ разбойника, и что ребе-
нокъ его сынъ, они захватили его съ
собою и привезли къ Князю. Не знаю,
что было бы съ эпимъ горемъчнымъ
сиропою, еслибъ не сжалась надъ
нимъ Княгиня Ольга. Она взяла его къ
себѣ, и при кончинѣ завѣщала люби-
мой своей ключницѣ, Малушѣ, мапери
нашего Князя Владиміра, имѣть о немъ
попеченіе, какъ о собственномъ сво-
емъ дѣшницѣ. Малуша переѣхала на
жить въ Великой Новгородъ, гдѣ вое-
водсповалъ погда ея сынъ, и когда
Владиміръ, по смерти родшела сво-
его, овладѣвъ всѣмъ царствомъ Рус-
скимъ, началъ княжить въ Кіевѣ, по
я замѣпилъ въ числѣ его выплязей
двухъ юношей, копорые любили другъ
друга, какъ родные братья. Они оба

охотно бесѣдовали со мною о пани-
спвахъ и преданіяхъ вѣры нашей.
Одинъ изъ нихъ, поразговорясь однаж-
ды со мною, признался, что воспитан-
ный маперью Великаго Князя вмѣстѣ
съ другимъ сиротою, которъй такъ-
же служилъ Владиміру, онъ не знаетъ
ни роду своего, ни племени; что съ
младенческа носилъ на груди златую
гривну, какъ единственное наслѣдіе
опца своего, и что всякой разъ, когда
онъ пыпался повывѣдать что нибудь
опъ благодѣтельница своей, Малуши,
она опвѣчала ему: »не спрашивай, ди-
»пяшко! Ты и поварищъ пвой, вы
»оба горемъчные сироты. Одного изъ
»васъ нашли въ дремучемъ лѣсу, дру-
»гаго на ранномъ полѣ между мершвы-
»ми. Кпо васъ поилъ и кормилъ,
»поилъ вамъ и опецъ и машь.« По-
симъ рѣчамъ не прудно мнѣ было смѣк-

нуль, чпо, можеть быль, эптоль юноша поплъ самый ребенокъ, копорого Воевода Препичъ нашель въ избушкѣ. Склонясь на мою просьбу, онъ показаль мнѣ свою золошую гривну; я узналь ее—эпо была па самая, копорую я видѣль лѣпль восемнадцатп пому назадъ. Я не умѣль еще въ по время разбирапль паниспвенные письмена жрецовъ Варяжскихъ; изучась въ послѣдспвпн сей хипрой наукѣ, я безъ пруда, но съ удивленіемъ прочель начерпанные на сей гривнѣ слова: »Аскольдъ, Князь Кіевской.« Не знаю, почему мнѣ пришло тогда на мысль, чпо сіе неожиданное опкрыпше можеть нѣкогда мнѣ пригодпться. Опасаясь, чпобъ кто нибудь другой не разобраль надписи, я увѣрилъ легковѣрнаго юношу, чпо съ сей злапшой гривною неразлучно соединено

все будущее его счастье; что все благо земныя изольюся на главу того, кто носить на себя сей залог благоволения и милости боговъ; а посему, дабы сохранивъ вѣрнѣе сію драгоценность, я крѣпко накрѣпко заказалъ юношѣ, не только никому ее не показывать, но даже и говорить о ней. Я уже сказывалъ тебѣ, что Великой Князь, бесѣдуя со мною въ послѣдній разъ до самой полуночи, открылъ мнѣ наконецъ тайную причину своей скорби и унынія. Возвращаясь опть него домой, смущенный грознымъ предчувствіемъ, объявивъ ужасомъ, я впалъ въ какое-то младенчество и, подобно малодушной женѣ, рѣшился прибѣгнуть къ щепнымъ мольбамъ: какъ ночный папъ, я прокрался къ Перуновой божницѣ, опшеръ одинъ изъ боковыхъ припворовъ и вошелъ въ свя-

пилице. Все было пихо кругомъ; неугасаемый огонь, горящій передъ исполинскимъ изображеніемъ Перуна, обливалъ яркимъ свѣпомъ его серебряную главу. Я палъ во прахъ передъ спопами божесива, вопилъ, бился главой о каменное его подножіе, молилъ о помощи; все напрасно—камень оспавался камнемъ, неодушевленный испуганъ безмолспивоваль. О, Люпоборъ! какое бѣшенспво овладѣло тогда мною! Ни чѣмъ неизъяснимое, адское опчаяніе, какъ люпый звѣрь, впилось въ мое сердце. » И пакъ нѣтъ спасенія! « воскликнулъ я; » нѣтъ прибѣжища! « и вдругъ мысль объ убійспвѣ, подобно молніи, сверкнула въ главѣ моей. Какъ одержимый злымъ духомъ, я возопилъ несповымъ голосомъ: » горе шебъ, вѣроломный! Такъ! смерпъ, смерпъ опспунику опъ вѣры опцевъ сво-

ихъ! смерть Владиміру!—Да, смерть Владиміру!« повпорилъ подлѣ меня громовый голосъ. Я вздрогнулъ, обернулся, гляжу: передо мной сполнитъ грозный, неподвижный, какъ впорый кумиръ Перуновъ, мужъ исполнскаго роспа, закупанный въ черную одежду. При первомъ взглядѣ, узнавъ въ немъ незнакомца, копорый нѣкогда едва не умеривилъ Свяпослава, я съ ужасомъ опскочилъ назадъ. » Чего жъ пши испугался, Богомилъ? « продолжалъ онъ съ усмѣшкою. » Я подслушалъ пшвои рѣчи—шакъ чпожъ? Давай ружу, шоварищъ!... Брашьями съ побой мы никогда не будемъ: пши жрецъ, а я воинъ; но мы оба ненавидимъ Владиміра, и шакъ смерть ему!... «
— » Чу! чпо эпо? « вскричалъ Люшоборъ, перервавъ рассказъ Верховнаго жреца.

Глухой звонъ опть паяжкой желъзной цѣпи и дикой отврапашельный ревъ раздались подь окнами перема.

— » Ага! « сказалъ Богомилъ, взглянувъ въ окно. » Эпо мой нелюдимъ. Видно, почуялъ близко чужаго... Ну, пакъ и еспь... «

— » Поспой-ка! « перервалъ Люпоборъ; » да эпо, кажелся, Торопка-Голованъ. Опть чего же пвой мохнапый спорожъ пакъ переполошился? «

— » Но развъ пы не видишь, чпо за нимъ идешь... пакъ почно, эпо онъ! «

— » Вижу, вижу! « вскричалъ Люпоборъ. » Такъ эпошь-по?... Ну, молодчина!... Посмопри-ка, Богомилъ, и медвѣдъ пвой его испугался... Экъ, поропишя забипсья съ свою конуру. «

— » Слупай, Люпоборъ! « сказалъ

Верховный жрецъ, » припаясь за этой перегородкой: ты будешь слышать нашъ разговоръ; но смотри, чпобъ онъ не догадался, чпо въ этой свѣщницѣ есть кпо нибудь другой, кромѣ меня. «

Едва Люпоборъ успѣлъ спряпаясь за перегородку, какъ тяжелье шаги послышались по крупной лѣспницѣ, и незнакомый, закушанный въ верхнюю свою одежду, вошелъ въ свѣщницу.

— » Добро пожаловать, храбрый Випись! « сказалъ Богомилъ, идя къ нему на встрѣчу.

Незнакомый кивнулъ головою и сѣлъ молча на скамью, на кошорой за минушу сидѣлъ Люпоборъ, а Богомилъ занялъ прежнее мѣсто.

— » Ты хопѣлъ со мною видѣться, « продолжалъ жрецъ, помолчавъ нѣсколько времени.

— » Да! « опивчалъ опривисно незнакомый. » Но одни ли мы? «

— » Да не ужели ты думаешь?... «

— » Чпо Верховный жрецъ, Богомилъ можешь бышь предашелемъ? О, нѣтъ! Я вижу полько, чпо пропивъ шебя кпо-шо недавно сидѣлъ. Посмотри, какъ измятъ эпопъ волчій мѣхъ. «

— » Здѣсь еще до солнечнаго заката бесѣдовалъ со мною одинъ изъ жрецовъ, « опивчалъ спокойнымъ голосомъ Богомилъ.

— » До заката солнечнаго, « повпорилъ незнакомый, поглядѣвъ недоверчиво вокругъ себя. » Такъ видно же онъ не близко живешъ опсюда. «

— » Почему ты эпо думаешь? « спросилъ Богомилъ.

— » А попому, чпо гопшь пвой, какъ видно, спѣшилъ уйдши, чпобъ за-

свѣшло до дому добрапья. Посмоп-
ри-ка! въ поропахъ и шапку свою
здѣсь оставилъ. «

— » Эпо шапка моя. «

— » Въ самомъ дѣлѣ? Вопъ чпо! «
сказаль съ насмѣшливою улыбкою не-
знакомецъ, взявъ со скамьи и разсма-
привая небольшую съ лисимъ около-
шемъ шапку. » Смопри, пожалуй! а ка-
жепся съ виду-по она тебѣ и на пол-
головы не взойдепъ. Богомилъ! здѣсь
естъ кпо нибудь кромѣ тебя. «

— » Не вѣришь мнѣ, пакъ посмоп-
ри самъ, « опвѣчалъ Верховный жрецъ,
не измѣняя ни мало своему спокой-
ствію.

Незнакомецъ приподнялся, сдѣлаль
шагъ впередъ; но вдругъ оспановилсъ,
и садясь снова на скамью, сказалъ:
» въ самомъ дѣлѣ, чпо тебѣ прибли-
меня обманывапъ? Развѣ пы не зна-

ещь, чпо если бы ты, на бѣду свою, задумалъ выдашь меня Владиміру, и хопя бы для пвоей зашипы засажена была за эпой перегородкой вся храбрая его дружина: шо и погда легче бы ей было въ одну ночь переплышь Русское море и взяшь на кошь пвердыни Визанпійскія, чѣмъ вырвать шебя живаго изъ рукъ моихъ. Нѣтъ! я знаю шебя, Богомилъ; у насъ до эпого никогда не дойдешь съ побою. «

— » Ты напрасно меня подозрѣваешь. Клянусь шебѣ... «

— » Полно, не клянись—намъ некогда долго бесѣдовашь. Я хопѣль шолько увѣдомишь шебя, чпо Печенѣги прислали ко мнѣ гонца съ извѣспіемъ, чпо многолюдная ихъ рапъ собралась уже на Дону, близъ Бѣлой Вѣжи; и чпо Ясы и Косоги, подь предводишельспивомъ юнаго своего Князя, Редеди, го-

повы громишь предѣлы Тмушараканскіе. Чпобъ не жечь и не раззоряшь Кіева, Печенѣги назначаюшь окупу: съ každаго двора по одному солиду. Я найду способъ, не обижая гражданъ Кіевскихъ, насыпишь сихъ плошадныхъ звѣрей. Сокровища Византійскія неиспощимы, а Греки не пожалѣюшь своего золота, чпобъ полько стубишь Владимира, которій для нихъ поощге и опща своего и дѣда. Но не поощаешь коня Печенѣжскимъ заповѣдныхъ луговъ Кіевскихъ; не громишь Косогама Тмушаракани богапой; и Печенѣги не дерзнушь перейдши за Донъ, и Косоги приближишь къ морю Сурожскому, доколь еще живъ Владиміръ; а ты знаешь, въ чьихъ рукахъ жизнь его. Скажи одно слово, одно полько слово, Богомилъ! Но до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь его, пока я не найду по-

го, кпо одинъ можешъ княжипь по-
правдѣ въ великомъ Кіевѣ, до пѣхъ
порѣ рука моя не подымешся для со-
вершенія правдивой меспи; я не хочу
предать согражданъ моихъ всѣмъ лю-
пымъ бѣдспвіямъ междоусобія; не хочу,
чпобъ смупы народныя и безначаліе
стубили до конца мою родину. Не да-
ромъ говорипся: » пняжело быпъ голо-
вѣ безъ плечь, а хуже и шого быпъ
пѣлу безъ головы. « Послушай! я, ка-
жешся, уже не разъ тебѣ сказываль,
чпо шопъ, кого я шцу, долженъ но-
сипъ на шеѣ золопую гривну. «

— » Я никогда и ничего объ эпой
золопой гривнѣ не слыхиваль. Да чу-
денъ шы, молодець! Не ужели шы
думаешъ, чпо воины, копорые на-
шли въ лѣсу покинутого младен-
ца, оставяптъ у него на шеѣ золопую
гривну? «

— » Да! « сказалъ незнакомецъ, помолчавъ нѣсколько времени: » эпо походишь на правду; а дивлюсь я только тому, что ты не знаешь у кого изъ виписей Княжескихъ нѣтъ ни роду, ни племени. «

— » Вошь по-то и бѣда! Не могу никакъ полку добиться. «

— » Ты лжешь, Богомилъ! Тебѣ извѣсна эта шайна, но ты жрецъ: успа пвон обькли изрѣкашь одну лесь и обманъ. Попышаюсь въ послѣдній разъ добиться опгъ шебя правды. Слушай! Ты можешь еще пеперь предлагать мнѣ свои условія; но если я безъ пвоей помощи узнаю испину.... «

— » Безъ моей помощи! « перервалъ съ усмѣшкою Богомилъ. » Не думаешь ли пакже безъ моей помощи заставить Кіевлянъ признашь своимъ Княземъ безроднаго юношу, котораго ты

назовешь попомкомъ Аскольда? Имѣешь ли ты власть, именовъ боговъ приказать дружинѣ Княжеской положить оружіе, не опмицать за смерть Владиміра, и покориться одному изъ прежнихъ своихъ соповарищей? Чпо если всемогущій Перунъ наименоуетъ тебя предапелемъ, а его обманщикомъ и самозванцемъ; если повелишь опрашывать Печенѣговъ и избрать въ Князя Кіевскіе одного изъ сыновей Владиміра, или даже одного изъ знаменитыхъ его виписей? Если я, Верховный жрецъ, возмущу пропивъ тебя народъ, и скажу, чпо разгнѣванные боги пребуютъ главы пвоей?... А ты, Веремидъ, знаешь, прудно ли увѣришь во всемъ эпу легковѣрную полпу?...

— »Знаю ли я народъ?« перерваль, нахмуривъ свои брови, незнакомецъ.

»эпу безумную, подлую чернь, копорая сегодня закидаепть грязью пого, предъ кѣмъ вчера преклоняла колѣна; копорая, пропягивая за милоспыней одну руку, въ по же время подымаепть другую на своего благодѣшеля;— знаю ли я ее?... Я видѣль смерть Ярополка, копорого Кіевляне величали нѣкогда опцемъ своимъ, и слышалъ радоспные крики народа, когда Владиміръ, обагранный кровью брапа, явился на городской площади.»

— »И пакъ подумай хорошенько, нужна ли шебъ моя помощь?»

— »Менѣе, чѣмъ пы думаешь, Богомилъ. Если я не пожалю Кіева, по, вѣр мнѣ, ничпо не спасепть его. По-смопримъ, какъ успоине вы пропявъ Печеньговъ, когда внезапная смерть Владимира, какъ громомъ поразипть изумленныхъ Кіевлянъ. Нѣпть, Бого-

милъ! когда безначаліе волнуешь воин-
новъ, погда они спрашны для однихъ
мирныхъ гражданъ и губяшь не вра-
говъ своихъ, а самихъ себя. Но я не
хочу, чпобъ правнукъ Аскольда воз-
сѣлъ на опческомъ сполѣ своемъ сре-
ди дымящихся развалинъ Кіева и кня-
жилъ надъ бездушными прупами. Го-
вори, Богомилъ, какую цѣну пребу-
ешь пы за кровь Владиміра? Чего
желаешь опъ законнаго Князя Кіев-
скаго? «

Богомилъ провелъ рокою по своему
наморщенному челу, погладилъ сѣдую
бороду и, помолчавъ нѣсколько време-
ни, сказалъ: » пы знаешь главное и не-
обходимое условіе—жишь по спаринѣ,
и свяпо хранишь законъ и вѣру оп-
цевъ нашихъ. «

— » Въ эпомъ у насъ спора не бу-
детъ; я и самъ мыслю по же. Не че-

спно намъ искать правды у чужеземцевъ. Есть у насъ своя правда по закону боговъ: ей учили народъ правды наши; другой намъ не надобно. Чего ты еще пребуешь? «

— » Смерши всѣхъ Христіанъ. «

— » Всѣхъ! « повпорилъ незнакомецъ, » и дряхлыхъ спариковъ, и женъ, и малыхъ дѣшей!

— » Да. «

— » Богомилъ! ты не служишь боговъ, а дикой звѣрь. Всѣ Христіане будутъ изгнаны изъ предѣловъ Кіевскихъ, и шолько непокорные сей воли Княжеской предадутся въ твои руки. «

— » Ну, ну, добро! пусть будетъ по твоему! Теперь поговоримъ о санѣ Верховнаго жреца. Слыхалъ ли ты, что на Варяжскомъ морѣ есть островъ, именуемый Рюгеномъ? «

- » Слыхалъ; пакъ чпожь? «
- » Въ Арконѣ, главномъ городѣ сего оспрова, обитають единоплемяные съ нами Славяне. «
- » И эпо знаю. «
- » А знаешь ли пы всю власть и могущество Первосвященника Арконскаго? «
- » Какое мнѣ до эшого дѣло! «
- » Поепой, поспой, молодець; не шебѣ, пакъ мнѣ еспѣ дѣло. Первосвященникъ Арконской повинуется однимъ безмернымъ богамъ... «
- » И своему Князю? «
- » Нѣпѣ, онъ не знаетъ никакой земной власти надъ собою. Я пребую пого же. «
- » Ты пребуешь?... Добро, бышь по пвоему. «
- » Первосвященникъ Арконской имѣетъ своихъ пѣлохранипелей: при-

спа опборныхъ Випязей гоповы всегда исполнять его приказанія. «

— »И эпихъ рабовъ жреца имену ютъ Випязями? «

— »Объ имени спорить нечего—на зови ихъ какъ хочешь; полько я хочу и долженъ имѣть пакже своихъ воиновъ. «

— »Такъ и быль, согласенъ и на эпо. Ну, теперь ты доволенъ? «

— »Первосвященникъ Арконскій « продолжалъ жрецъ, не отвѣчая на вопросъ незнакомца, » налагаешъ подати на гражданъ и на госпей иноземныхъ, дабы умножить сокровища храма... «

— »И собственное свое боганство? «

— »Такъ чпожь? Развѣ dospoяне Верховнаго жреца не ешь dospoяне

самихъ боговъ? Власть сія должна принадлежать и мнѣ. «

— » Бѣдные Кіевляне!... Но дѣлашь нечего: лучше уступишь половину, чѣмъ поперяшь все. Надѣюсь, теперь кончено? «

— » Не совсѣмъ. Первосвященникъ Арконской заключаетъ миръ съ сосѣдними народами и объявляетъ имъ войну. «

— » Какъ! « вскричалъ незнакомецъ, » и ты смѣешь пребывать?... «

— » Я ничего не пребую « отвѣчалъ хладнокровно жрецъ; » это дѣло любовное: хочешь соглашайся, хочешь нѣтъ. «

— » Но подумай самъ, если и эту власть предоставишь тебѣ, чпожь будешь дѣлать Великой Князь? «

— » Въ часъ бѣшвы сражашься съ врагами опечесива, а въ мирное вре-

мя пиравашь съ друзьями въ Княже-
скихъ чернигахъ. «

— » И жишь подъ рукою своего
Верховнаго жреца? Нѣтъ, Богомилъ!
управляшь войскомъ и народомъ мо-
жетъ только Великой Князь; онъ на-
дѣлять тебѣ богатѣйши помѣстьями....
Ты будешь первымъ въ его Думѣ....
Доволенъ ли ты? «

Богомилъ покачалъ головою.

— » Ну, пусть такъ, « продолжалъ
незнакомецъ, » безъ своего совѣта онъ
не приступитъ къ миру и не объ-
явитъ войны. Чего еще тебѣ? «

— » Добро, добро! « сказалъ съ улы-
бкою Богомилъ; » я человекъ успу-
чивой: такъ и быть, согласенъ и на
это. «

— » И такъ теперь все кончено? «

— » Почти. Первосвященникъ Ар-
конской.... «

— » Богомилъ! « вскричалъ незнакомецъ, вскочивъ съ своего мѣста, » пы изпоцилъ мое пергѣніе! Ни слова болѣе! « прибавилъ онъ, замѣшивъ, что жрецъ хочеть говорить. » И если ужъ пошло на то, такъ знай, что не смоя на мою ненависть къ Владиміру, я лучше соглашусь видѣть его владыкою Кіева, чѣмъ коварнаго жреца, которій издѣвается и надъ людьми и надъ безсмертными богами. «

— » Полно, не сердись! « перервалъ Богомилъ. » Ну, такъ и будь, я болѣе ничего не шребую. «

— » Дивлюсь швоей умѣренности! Теперь, надѣюсь, пы переспанешь хипришь со мною, и объявишь мнѣ имя шого изъ Вишязей Княжескихъ.... «

— » Эхъ, молодець, молодець! И радъ бы радостію, но я ужъ гово-

рить тебѣ, что и самъ еще до-
длинно не знаю....»

Глаза незнакомца засверкали; онъ
поднесъ правую руку къ своему поясу,
и почти въ шужь самую минупу ли-
це его приняло сѣова свой мрачный,
но спокойный видъ. Сложивъ кресты
на кресты руки, онъ успремилъ про-
ницапельный взглядъ на жреца и ска-
заль послѣ минушнаго молчанія: » ты
не знаешь!... нѣтъ, Богомилъ! ты не
знаешь полько, на что тебѣ рѣшишь-
ся: предашь ли меня Владиміру, или
бышь моимъ сообщникомъ. Слушай!—я
даю тебѣ еще десять дней на размы-
шленіе; но если и тогда....»

— » Да могу ли я поручиться, « пе-
рерваль жрецъ, » что въ десять дней
знаю эпю шайну; могу ли....»

— » Ты можешь желать, Богомилъ,
перехиришь меня, « перерваль съ на-

смѣшливою улыбкою незнакомецъ; » но не долженъ и не можешь надѣяться успѣшь въ эптомъ. Вопшь, чай, пы и пеперь думаешь, чпо тебѣ удалось обмануть меня, не правда ли? Мы здѣсь шолько двое, и швой задушевный другъ, Люпоборъ, не сидишь за эпшой перегородкою?... Да полно, не божишь понапрасну, « продолжалъ незнакомецъ, подходя къ перегородкѣ и опворя дверь. » Ей пы, зашворникъ, выльзай изъ швоей засады. Ты слышалъ нану бесѣду, пакъ можешь дать полезный совѣшь своему Верховному жрецу.... Да выходи же! « примолвилъ онъ, взявъ за руку и выпаскивая изъ за перегородки полумершваго Люпобора.

— » Чпо, иль у васъ обоихъ языкъ опнялся? « продолжалъ незнакомый, посмашивая шпо на поблѣднѣвша-

го Богомила, по на наперника его, копорый, дрожа всѣмъ тѣломъ, сползалъ какъ вкопанный посреди свѣплицы. » Ну, видишь ли, Богомилъ, какъ легко обманушь меня, и какъ я долженъ вѣришь пвоимъ божбамъ и кляпвамъ?— Не забудь, что черезъ десяць дней мы съ побой увидимся, и если ты опяць велишь своему другу засѣсть въ какую нибудь конуру и подслушивать мои рѣчи: по посовѣстуй ему не оспавляшь на виду своей шапки, или по крайней мѣрѣ завеспи себѣ другую, копорая была бы не такъ замѣтна. «

Сказавъ сіи слова, незнакомецъ завернулся въ верхнюю свою одежду, и кинувъ послѣдній, исполненный презрѣнія, взглядъ на обоихъ жрецовъ, вышелъ молча изъ перема.

мымъ Облонью, и обпекая весь Кіево-Подоль, она соединялась наконецъ съ Днѣпромъ, близъ урочища, наименованнаго въ послѣдствіи Крещати-комъ. Верховья сей рѣчки перялись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кіева, среди непроходимыхъ овраговъ и болотъ, поросшихъ въ то время дремучимъ чернолѣсьемъ.

На другой день послѣ вечера, описаннаго нами въ предъидущихъ главахъ, часу въ четвертомъ по полуночи, когда еще упреній шуманъ волновался по низменнымъ берегамъ Почайны, и покрытый густою тѣнью темный лѣсъ казался еще темнѣе отъ проливуположности съ ярко-освѣщенными верхами высокихъ холмовъ Кіевскихъ, одинъ молодой всадникъ, весьма преспе одѣтый, но сидящій на красивомъ ворономъ конѣ, ѣхалъ ша-

селимся, *гаригель* опъ одного избытка жизни и здоровья.

Юный всадникъ, ѣхавшій по берегу Почайны, не распѣвалъ молодецкихъ пѣсней о славномъ Днѣпрѣ, о его глубокихъ омухахъ, о кровавыхъ биввахъ съ Чудью поганою; не заспавлялъ играшь подъ собою коня своего, а ѣхалъ шагомъ, опуска поводи, и казался погруженнымъ въ глубокую думу.

Шагахъ въ десяти опъ него шель, по одному съ нимъ берегу, человекъ малаго росна въ большой овчинной шапкѣ, едва прикрывавшей его огромную голову, обросшую густыми волосами. За проспымъ ремнемъ, копорый опоясывалъ смурый кафланъ его, загнувъ былъ широкой мечъ безъ ноженъ. Онъ не спускалъ глазъ съ молодого всадника, покашливалъ, посви-

сшываль, громко разговариваль съ самимъ собою, словомъ: употребляль все способы, чпобъ обратишь на себя вниманіе юноши и заставишь его оглянуться. Замѣшивъ наконецъ, чпо все его спаранія оспаюся напрасными, онъ вдругъ заплъ громкимъ и звучнымъ басомъ:

О гой, пы, Днѣпръ, пы широкой Днѣпръ,
Ты рѣка моя родимая!
Ты взлелѣяль добра мѳлодца,
Дѳбра мѳлодца — безроднаго;
На волвахъ своихъ укачиваль
Сиротинку горемычнаго;
Какъ опецъ его родной,
Какъ родная его мапушка,
Ты вскормиль его и выроспилъ;
Разспидаль пы для него
По оплогимъ берегамъ
Мураву шелковую;
Одѣваль пы его,
По осеннимъ ночамъ,
Теплыми шуманами.

Молодой всадникъ начиналъ примѣпнымъ образомъ вслушиваться въ пѣсню; казалось, однако же, что ея веселый и почти плясовой напѣвъ не доходилъ до души его. Онъ поѣхалъ пише прежняго, но не оглянулся. Окончивъ пѣсню, прохожій помолчалъ нѣсколько минутъ, попомъ опкашлялся и зашѣлъ пропяжнымъ, заунывнымъ голосомъ:

Ты, дѣпинушка, сиропинушка,

Безпріютная пвоя головушка!

Безъ отца ты взросъ, безъ мапери,

На чужихъ рукахъ ты выношень;

Ты о башюшкѣ своемъ не слыхивалъ,

Родной мапушки не видывалъ....

При первыхъ словахъ пѣсни всадникъ вздрогнулъ, спалъ прислушиваться, на глазахъ его навернулись слезы, и онъ оглянулся назадъ.

» Доброга пупи, счастливой до-

роженьки, господишь чеспный!» сказалъ прохожій, переспавъ пѣшь и приподнимая свою шапку.

— » Спасибо, поварищъ! « отвѣчалъ всадникъ, посмапривая съ удивленіемъ на исковерканную и смѣшную фізіономію пѣвца. » Ну, нечего сказать, « примолвилъ онъ, съ едва примѣпною улыбкою, » не красивъ пѣшь, любезный, а поешь хорошо! «

— » Мурныкаемъ кое-какъ, добрый молодець, « сказалъ прохожій, прищуривъ глаза и изкривя ротъ. » Да не пожалуешь ли ваша милость, не купишь ли у меня вопъ эпю саблю богатырскую? « продолжалъ онъ, подходя поближе и вынимая изъ-за пояса свой мечъ. » Ты смопришь храбрымъ Випяземъ, шакъ авось пѣбъ эпю игрушка молодецкая по плечу придется. «

— » Нѣшь, добрый человекъ, мнѣ

пвоего меча не надобно; да онъ же и безъ ноженъ. «

— » Такъ чпожь? У кого другаго, а у тебя, молодець, онъ много еще ноженъ изопрепъ. Чай, каждый годъ по десянку меняешь? «

— » Да почему ты думаешь, чпо я человекъ рапной? «

— » И, господинъ честный! Видна ппица по полему. Да если пакому молодцу не бышь Випяземъ, пакъ кому же и покрасовался на попгъхъ богашырской. Эхъ, ка-бы у меня былъ эпакой сынокъ! То-по, чай, на тебя и опець и мапъ смопрятъ не насмоп-ряпса, глядяпъ не наглядяпса. «

— » Опець и мапъ! « повпорилъ печальнымъ голосомъ всадникъ. » А ели у меня нптъ ни опща, ни мапери? «

— » Ой-ли! Ну, молодець, попоро-

пились же они умереть! Тебѣ, чай, и двадцати двухъ годовъ нѣтъ ошь роду: не правда ли? «

— » Ты не многимъ ошибся: мнѣ ровно двадцать два года. «

— » Ну, такъ и ешь!... А что, молодецъ, чай бацюшка пвой былъ также, какъ ты, человекъ рапной? «

Всадникъ ни отвѣчалъ ни слова.

— » Эка припича, подумаешь! « продолжалъ прохожій, какъ будто бы разговаривая съ самимъ собою. » Осиропѣшь въ такихъ молодыхъ годахъ!... А можетъ спашься и то, что отецъ и мать прижили тебя подъ спароспъ, такъ не диво, что имъ взраспнпъ тебя не удалось. Не такъ ли, господинъ честной? «

— » Не знаю, « отвѣчалъ опривпсто и почпи съ неудовольспвпемъ юноша.

— » Не знаешь? Вопль чпо! Такъ видно, пы былъ у нихъ послѣдній, оспался въ сиропспивѣ молодымъ дшпёю, и не помнишь, сердечной, ни опца своего ни мапери; а все-таки—не погнѣвайся, — коли шебѣ не знашь: ну если самъ не видалъ, пакъ, чай, не разъ слыхаль объ нихъ опъ брапьевъ, опъ сесперъ, опъ кого нибудь изъ кровныхъ? «

— » Опъ кого нибудь изъ кровныхъ! « повпорилъ въ полголоса всадникъ; » да кпо шебѣ сказаь, чпо у меня еспъ брапья, и почему пы знаешь, обнималъ ли я когда нибудь родную сеспру? «

— » Какъ пакъ? Да не ужли-по, молодецъ, у шебя нѣпшь вовсе никого родныхъ: ни дяди, ни пешки, ни роду, ни племени? «

— » Пуслушай, брапъ! « перервалъ

всадникъ, поглядѣвъ приспально на прохожаго, » я себя не знаю, болшапъ я не охонникъ, пакъ спупай своей дорогою: пѣшій конному не поварищъ. « Сказавъ сн слова, онъ пронуль своего коня и доѣхаль рысью до мѣлкаго кушарника, которымъ начинался часпый лѣсъ по берегамъ Почайны. Въ ту самую минупу, какъ всадникъ, увѣренный, что ему удалось наконецъ опдѣлаться опъ любопытнаго прохожаго, спалъ сдерживапъ своего коня, позади его раздался голосъ: » держи лѣвѣе, доброй молодець! Здѣсь направо прясина! Какъ запропастишь коня, пакъ одинъ его не выпашашишь. «

Всадникъ огмянулся; поопъ же неопвязный прохожій шелъ опъ него въ двухъ шагахъ, пробираясь сквозъ часпой кушарникъ. » Да чтожь пы приспаль, въ самомъ дѣлѣ? « сказала

онъ съ досадою. » Я ужъ сказалъ тебѣ, чпо мнѣ поварища не надобно. «

— » Не гнѣвайся, молодець, « опвѣчалъ спокойно прохожій. » Не моя вина, если намъ пришлось обоимъ въ одно время, тебѣ ѣхать, а мнѣ идти по этой дорогѣ. Хоть ты и сказалъ, чпо пѣший конному не поварища, да здѣсь и ваша милость не разскачепся. «

Вмѣсто опвѣща, всадникъ пронумъ снова своего коня и поскакалъ впередъ. «

— » Ей, пише, добрый молодець, пише! « закричалъ ему прохожій. » Смотри, какъ-разъ шею сломишь!... Берегись.... берегись!—колода! «

Борзый конь юноши взвился на дыбы и какъ спица перелетѣлъ черезъ толстую колоду, кошорая лежала поперекъ пропизки. «

— » Ай да конь, добра лошадь! « продолжалъ кричать прохожій. » Ну, не даромъ же его прозвали Соколомъ. «

— » Почему ты это знаешь? « спросилъ съ удивленіемъ юноша, осадивъ своего коня.

— » Почему? « повпорилъ прохожій, подходя ко всаднику. » А на что пещь? Много будешь знать, скоро со-спаришься. «

— » Да ты никакъ издѣваешься надо мною, « вскричалъ юноша.

— » И, что ты, молодець! вѣдь я не полоумный какой. Ну къ рожи ли мнѣ издѣваться надъ побою? Вотъ ты, господинъ чеспной, шакъ это дѣло другое: назвалъ себя круглымъ сиропю, а я съ дуру-шо и повѣрилъ! Ну похожъ ли ты на сиропю? Гдѣ взять безродному горемыкъ шакого лихова коня, шакую бога-

пую конскую збрую? Воля пвоей милоспи, а пы изволишь попгынапьясь надь моей проспопою. Правда, если пы и сиропша, да полько служишь при Великомъ Князѣ Опрокомъ, или Гриднею, и зовушь пебя Всеславомъ...»

— »Такъ, эпо мое имя; но почему пы знаешь?»

— »Толи я еще знаю, « продолжалъ прохожій: » поразговорись-ка со мною. Я хопь и въ смуромъ зипунѣ, а можешъ спашьяся, знаю шо, за чпобъ пы опдалъ охопно все свои и шпофные и парчевые кафшаны; не пожалѣль бы коня богашьрскаго, распался бы даже съ завѣшнымъ мечемъ своимъ. «

— »Какъ! « вскричалъ Всеславъ, » пакъ пы ее знаешь?... О! говори,

говори! Кто она?... Гдѣ живешь?...
Какъ зовуть ее?...

Прохожій хопгль что-то сказаць;
но вдругъ поропливо оглянулся назадъ,
вздрыгнуль, бросился въ спорону и
исчезъ среди часпаго лѣса.

— » Ага! попался, смиренникъ! « за-
гремяль въ близкомъ распояніи ве-
сельй голось, и молодой человекъ при-
япной наружности выѣхалъ изъ-за
кустовъ. » Такъ-то ты объѣзжаешь
своего Сокола? « продолжалъ онъ, под-
скакавъ къ Всеславу. » Съ кѣмъ ты
эпо здѣсь разговаривалъ? «

— » Я и самъ не знаю, « отвѣчалъ
Всеславъ, поглядывая съ безпокой-
ствомъ вокругъ себя; » какой-то про-
хожій... Но куда онъ дѣвался? «

— » Прохожій? Полно, брашь, при-
кидывашься: развѣ прохожая такая
нибудь! «

— » Онъ ушелъ!... Ахъ, Спемидъ! пы, можешь бышь, помъшалъ мнѣ узнашь, кпо она. «

— » Она?... «

— » Да, мой другъ, она, о копорой поскуешь душа моя, копорую я не знаю, и зналъ прежде, чѣмъ увидѣлъ въ первый разъ. «

— » Чпо, чпо?... Всеславъ! если пы желаешь, чпобъ я понимаю пвои рѣчи, пакъ говори по людски. «

— » Да, Спемидъ, я расскажу тебѣ все. Не знаю, поймешь ли пы меня, « продолжалъ Всеславъ, слѣзая съ коня и привязывая его къ дереву. » Я и самъ не понимаю, чпо происходитъ въ душѣ моей: она рвешся, груснитъ, въ ней все, какъ ночь осенняя, и темно, и мрачно. Иногда, какъ будто бы во снѣ, я вижу вдали чпо-по прекрасное, какъ свѣтлая заря, спокойное, какъ

чиспыя беспредѣльныя небеса; какъ будто бы опгадываю какое-то блаженство, не похожее на здѣшнія наши радости, и вдругъ все покрывается снова тучами; опять вокругъ меня и мракъ и безвѣспность и попка. Душа моя ждетъ чего-то и не дождепся. Ахъ, Спемидъ, какъ тяжело у меня на сердце! Какъ не ясно здѣсь, « прибавилъ онъ, приложивъ руку къ головѣ своей. » Однажды только.... Но я расскажу тебѣ сначала. Сядемъ! «

» Спемидъ привязалъ также коня своего и сѣлъ на праву подлѣ Всеслава.

« — » Не знаю, помнишь-ли ты, « сказалъ Всеславъ, » первые годы нашего дѣпства, когда мы оба, призрѣнные бабкою нашего Великаго Князя, милосердой Ольгою, воспитывались въ ея Княжескихъ черниогахъ. Однажды,

не знаю почему, но шебя не было погда со мною, наша впорая машь, Малуша, ввела меня въ опочивальню Великой Княгини. Она лежала блѣдная, изможденная злымъ недугомъ, не на пышномъ Княжескомъ одрѣ своемъ, но на проспой скамьѣ, покрыпой убогой пеленою. Подлѣ нея споялъ високаго роспа спарикъ въ чудной одеждѣ, съ распущенными по плечамъ власами и сѣдой бородою; въ одномъ углу предѣ какими-по дивными изображеніями горѣло множеспво свѣ-пильниковъ, въ другомъ спонали и горько плакали всѣ вѣрныя ея рабыни. Подозвавъ меня къ себѣ, Великая Княгиня говорила чпо-по очень долго, жалѣла обо мнѣ, и какъ безиріопнаго сиропу препоручала меня одной Дѣвѣ.... помню полько одно, чпо она называла ее Пресвяпою; попомъ при-

казала подашь ея изображеніе и за-спавила неня обლობызашъ его. Какъ шеперь гляжу на эшопъ дивный об-разъ величеспвенной дѣвы: казалось, она смопрѣла съ какой-по радоспной улыбокю на небеса; мнѣ помнипся шакже, чпо на рукахъ ея лежалъ прекраснѣй Младенецъ. Я не успѣлъ еще насмопрѣпсья на сіе чудное изо-браженіе, какъ вдругъ Ольга крѣпко прижала его къ успамъ своимъ, вздохнула и переспала говорипь. Малуша вывела меня вонъ изъ опочивальни, и я помню шакже, чпо лишь шолько мы переспушили за порогъ, позади насъ поднялись вопли, плачь и громкія рыданія. «

— » А, шеперь и я вспомнилъ, « перерваль Сшемидъ: » я былъ шогда бо-лень, и когда спросилъ у Малуши, о чемъ всѣ шакъ плачущъ, шо она ска-

зала мнѣ: » плачь и пыл, дитяшко! не спало швоей кормилицы: скончалась наша мапушка, премудрая Княгиня Ольга. « Я не понялъ тогда этихъ словъ; но помню, что, глядя на другихъ, и самъ очень плакалъ. «

— » Когда я подросъ; « продолжалъ Всеславъ, » по все; бывшее со мною въ первые года дѣтства, совершенно изгладилось изъ моей памяти; одна только смерть нашей благодѣтельницы и все то, что я видѣлъ при ея кончинѣ, представлялось мнѣ съ такою же ясностію, съ какою я вспоминаю теперь нашу удалую жизнь въ Великомъ Новгородѣ, когда мы, возмужавъ, спустили въ число приближенныхъ слугъ Велико-княжескихъ; но чаще всего образъ юной дѣвы, кошпорой поручала меня умирающая Ольга, приходилъ мнѣ на память. Иногда во снѣ

она являлась мнѣ, окруженная дивнымъ свѣтомъ, въ поѣ же бѣлой одеждѣ; казалось, она смопрѣла на меня съ состраданіемъ, а на рукахъ ея улыбался не описанной красопы Младенецъ. Наши бранныя превоги, бѣгство къ Варягамъ, кровавыя битвы, заглушили на время въ душѣ моей сіи воспоминанія дѣтства; но когда всѣ враги преклонили главы свои подѣ мощной десницею Владимира; когда онъ возсѣлъ на Велико-княжескомъ столѣ своемъ, и мы вложили въ ножны припупившіеся мечи наши, гдѣ же самыя помыслы съ новой силою овладѣли моею душою; съ каждымъ днемъ мнѣ спановилось грустнѣе. Я скрывалъ поску мою онѣ всѣхъ поварищей, даже онѣ себя, Спемидѣ; смѣялся, когда мнѣ хопѣлось плакать, и раздѣляя ваши шумныя забавы, веселился шочно пакже,

какъ веселился опецъ, опшравляя по-
гребальную призну надъ могилою едино-
роднаго своего сына. Я ходилъ вмѣ-
спѣ съ вами смопрѣпъ на хороводы
молодыхъ Кіевлянокъ; но ихъ пляски,
ихъ пѣсни казались мнѣ опврапи-
пельными. Когда я оспавался одинъ,
мнѣ бывало легче. Сколько разъ, вмѣ-
спѣ съ разсвѣпомъ, я уходилъ на бе-
регъ Днѣпра; какъ часпо, сидя на кру-
помъ упесѣ подлѣ могилы Аскольда,
прислушивался къ городской пишинѣ,
смопрѣлъ на свѣплья, спокойныя
спруи рѣки, и начиналъ дьшпаль сво-
боднѣе. Мнѣ казалось, что эпа пиши-
на и безмолвіе напоминающъ душѣ мо-
ей какую-то безвѣспную спрану, оби-
пель вѣчнаго мира и спокойспвія. Мнѣ
даже иногда бывало весело: эпи без-
облачныя небеса, эпи высокіе холмы
и обширныя луга, покрывые блестя-

щей россою, эпюпть свѣплый, широкій Дѣбрь и красное солнышко при своемъ восходѣ — все наполняло грудь мою тихой и спокойной радостію; но въ поже время ни чѣмъ непреодолимое желаніе возблагодарить Того, кто создалъ сей бѣлый свѣтъ, украсилъ его, какъ юную невѣсту, и далъ мнѣ сердце наслаждаться его красою, оправляло эпю мимолетное веселіе. Я начиналъ плакать, какъ малое дитя.

» Гдѣ Ты? « восклицалъ я съ горестію,

» Ты, кого я хочу и не могу благодарить, Ты, предъ кѣмъ я жажду преклонить колѣна, за кого желаю положить душу мою.... «

— » Какъ! « перервалъ Спемидъ;

» ты удивляешь меня! Развѣ у насъ нѣтъ боговъ? Развѣ всемогущій Перунъ.... «

— » О! не говори мнѣ объ эпюмъ! —

Сколько разъ, не вмѣщая въ груди моей чувствъ благодарности, которое стремилось излишься предъ кѣмъ бы то ни было, я спѣшилъ въ храмъ Петра; но лишь только переступалъ черезъ порогъ его божницы, все умолкало въ душѣ моей; слезы, готовыя лииться, изсыхали: онѣ превращались въ тяжкій камень, который давилъ мое сердце. О, мой другъ! съ какою бы радостью я опдалъ все на свѣтъ, чпобъ хопя на одно мгновеніе сбросилъ съ сердца эпоть тяжельый камень; чпобъ сказаль Тому, котораго не постигаентъ душа моя: » вопль я! возьми жизнь мою; но не запрещай благодарить себя! «

Всеславъ замолчалъ, грудь его сильно волновалась, и крупныя слезы капали по блѣднымъ щекамъ. Посмо-

прѣвъ съ сожалѣніемъ на своего друга, Спемидъ сказалъ въ полголоса: » Чпо за диво пакое?... О чемъ онъ полжуепть?... Полно нѣтъ ли шупть чего нибудь?... Въ наши года даромъ не груспяпть.... Воля пвоя, Всеславъ, а эпо недаровое. Ужъ не приглянулся ли пы какой нибудь Кіевской вѣдьмѣ? Говоряпть, онъ, прокляпця, шакую поску наводяпть на нашего брапа, чпо и бѣльй свѣпть не взмилипся. Со мной эпого не бывало, а однажды обошелъ меня лѣшій, пакъ я цѣлыя супки плупалъ по лѣсу. Ей, Всеславъ, послушайся меня, поговори-ка объэпомъ съ Верховнымъ жрецомъ, Богомиломъ: онъ даспъ шебъ какого нибудь снадобья, пошепченъ надъ побою.... Да полно качапть-шо головой: вѣдь онъ, брапецъ, на эпо гораздо. Я помню, какъ однажды при мнѣ жреца Люпо-

бора схватила какая-то черная немочь, ударило его, сердечного, оземь, да начало такъ коверкать, что и сказать нельзя. Ну чтожь?... лишь только Богомилъ пошепталъ надъ нимъ, да дунулъ ему въ лице, такъ онъ вскочилъ и пошелъ, какъ испрепанный. Однако жъ пы не все еще мнѣ досказалъ; пы что-то намекнулъ мнѣ, что однажды...

«Да!» перервалъ Всеславъ, «дней десять тому назадъ, поска моя усилилась до того, что я не могъ уснуть во всю ночь. Не помню, чтобы я ожидалъ когда нибудь съ такимъ непереносимымъ упрямствомъ; сердце мое по билось шибче обыкновеннаго, по замирало. На разсвѣтъ пришли мнѣ сказать, что Великій Князь ѣдетъ охотиться по берегамъ Почайны; я осѣд-

малъ моего коня и, приспавъ къ охопникамъ, копорыхъ, опправили впередъ, выѣхалъ изъ Кіева. Не прошло и часа времени, какъ Великій Князь прислалъ на сборное мѣсто сказать спаршему ловчему, что онъ самъ на охопу не поѣдетъ. Воптъ всѣ мы разѣхались въ разныя стороны: кто оспался въ лѣсу попѣшился ловлею, кто опправился назадъ въ Кіевъ; а я, самъ не знаю для чего, далъ волю моему коню везши меня, куда онъ хочетъ, и заѣхалъ наконецъ въ шаковую глушь, что какъ очнулся, да посмотрилъ вокругъ себя, шакъ волосы спали дыбомъ: ни слѣду, ни пропинки, кочки да пресина, оврагъ на оврагъ, и шакая дичь, что свѣсну бѣлаго не видно! Кое-какъ, по на конѣ, по ведя его въ поводу, я выбрался на обширную луговину, окруженную дремучимъ лѣ-

сомъ. Мнѣ показалось, что сквозь густой зелени шрехъ или чепьрехъ березъ, какъ будто нарочно посаженныхъ на самой срединѣ поляны, мелькало что-то бѣлое. Вошь я слѣзъ съ коня, привязалъ его къ дереву и пошихоньку подошелъ къ березамъ. Подъ навѣсомъ ихъ разметписныхъ выпвей, я увидѣлъ небольшое насыпное возвышеніе, похожее на могилу, а надъ нимъ грубо обдѣланный чепвероугольный сполбикъ, перерѣзанный поперекъ почти одинакой съ нимъ величины деревяннымъ брускомъ. Подлѣ сего проспаго памятника, спиною ко мнѣ, спояла на колѣняхъ, повидимому, молодая дѣвушка, въ бѣломъ платьи, съ распущенными по плечамъ волосами; у ногъ ея лежало голубое покрывало. Я припалъ дыханіе; скрываясь за деревьями, зашелъ непримѣпно съ

другой спороны и поразодвинуль бережно гуспья въшви. Молодая дѣва, склоняся главою къ могильному памянику, усердно молилась... да, мой другъ, она молилась, но полько не нашему богу: она называла его Творцемъ вселенной, Прибѣжищемъ несчастныхъ, Искупицедемъ. Свѣплорусые волосы, опускася до самой земли, скрывали опть меня лице ея, и опть времени до времени пихія рыданія прерывали ея слова. Я спояль неподвижно, какъ испукань. Вдругъ дѣва приподняла голову, опбросила назадъ гуспые свои локоны... Ахъ, Спемидь! чпо спалось тогда со мною!... Ты знаешь, чпо изъ всѣхъ юныхъ дѣвъ Кіевскихъ, ни одна не казалась мнѣ прекрасного; а эпа незнакомка!... Но какъ описать шебъ по неизъясное чувство любви, копорое, какъ быспрый пламень, пролилось, за-

кипѣло въ моихъ жилахъ! Это дѣв-
спвенное, прелестное чело, эти очи,
исполненныя любви и крошкатоу бла-
женства... О! никогда еще мой взоръ
не встрѣчалъ столь дивной кра-
соты! Какой-то пайной голосъ про-
шепталъ мнѣ: вопль подруга, назначен-
ная тебѣ самими небесами, вопль па-
кошорая просвѣпишь своѣмъ разумъ! Я
невольнo сдѣлалъ шагъ впередъ. Услы-
шавъ шорохъ, она обернулась, вздрогну-
ла, внезапный ужасъ изобразился на ли-
цѣ ея, и прежде чѣмъ я повпорилъ мой
вопросъ, она, какъ быспрая серна, из-
чезла изъ глазъ моихъ. Долго я не могъ
опомнисья. Вдругъ взоры мои оспа-
новились на голубомъ покрывалѣ: испу-
ганная моимъ нечаяннымъ появленіемъ,
дѣва забыла его на правѣ подлѣ
самой могилы. » Вoплъ оно! « продол-
жалъ Всеславъ, вынимая изъ-за пазухи

голубую шелковую шапу. » Я никогда съ нимъ не расстаюсь. «

— » Ого! « сказалъ Спемидъ, разсмапривая покрывало, » да оно изъ Греческой камки! Я видалъ пакія же почно у гостей Византійскихъ. «

— » Съ пѣхъ поръ, « продолжалъ Всеславъ, » я каждое утро ѣзжу по лѣсу, ищу эпу безвѣспную дѣву, зову ее—все напрасно: никто не опкликается на мой голосъ. Часто, обмануный опголоскомъ, я сиѣшу въ шу спорону, гдѣ повпоряюпся слова мои— не нахожу ни кого, и мнѣ кажется иногда, что вдали какъ будто бы раздаются насмѣшливый хохотъ. «

— » Ужь не потѣшается ли надъ тобой какая нибудь русалка? « перервалъ Спемидъ. » Правда, рассказываютъ, что у эпихъ проказницъ волосы зеленые, а пы говорилъ о свѣсп-

лорусьихъ локонахъ. Да и за чѣмъ носишь русалкѣ покрывало изъ Византійской шкани? Эпою должна быть какая нибудь молодая Кіевлянка... но какъ она зашла одна въ эпопѣ дремучій лѣсъ? Послушай, Всеславъ, бываль ли ты послѣ на эпою полянѣ, гдѣ увидѣлъ ее въ первый разъ? «

— » Каждое утро. Тамъ только я нахожу какую-то опраду моимъ мученіямъ. Когда послѣ пищевыхъ поисковъ душа моя наполняется неизъяснимою тоскою, я спѣшу на эпою поляну и на помѣ же самомъ мѣстѣ, гдѣ увидѣлъ ее въ первый разъ, почто также, какъ она, преклоняю колѣна и начинаю молиться не богамъ нашимъ, но невѣдомому Богу, которому она молилась; Тому, кого она называла Искупителемъ. Не знаю, доступ-

ны ли до него мольбы мои; но всякой разъ скорбь моя мало помалу упихаеть, и я съ новой надеждою возвращаюсь домой. Теперь ты знаешь все, Спемидь!... Оспавь меня.»

— »Власпъ пвоя, Всеславъ!« сказала Спемидь, покачивая головою, »а шупть замъшалась нечиспая сила. Чпо за радоспъ шаскашья каждое упрю по болопамъ и дебрямъ для шого, чшобъ опыскашъ какую-по лъсную дъвушку, которую ты пупёмъ и разшопрѣшъ не успѣль? Добро, добро! прощай покамъспъ. Я вижу, шебя шакъ и подмываешъ! Спупай, шапайся по лъсу—да послушай, не равно набредешъ какъ нибудь на берлогу медвѣдя, шакъ не вздумай съ нимъ одинъ схватишья, а скажи мнѣ: вдвоемъ-по мы лучше повеселимся.»

— Оба молодые люди съѣли на коней:
Спемидь поворопилъ назадъ къ Кие-
ву, а Всеславъ поѣхалъ впередъ, при-
держиваясь лѣваго берега Почайны.

VI.

Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ рѣчка, осѣняемая съ обѣихъ сторонъ густыми липами, шекла по каменистому дну глубокаго оврага, Всеславъ поворошилъ налѣво въ самую средину лѣса. Борзый конь его съ шрудомъ

продирался сквозь часпый кустарникъ: на каждомъ шагу заслоняли ему дорогу по кудрявый въпвиспый дубъ, по развѣсисная береза; въ одномъ мѣспѣ душистая черемуха, склоняся сво-домъ надъ дорогою, заспавляла всадника нагибаться до сѣдельной луки; въ другомъ, кусты песпрой жимолоспи, переплешаясь межъ собою, заспидали пропинку и принуждали его сворачивать въ спорону. Вскорѣ едва замѣпный слѣдъ, по коему онъ ѣхалъ, исчезъ совершенно. Всеславъ приоспа-новилъ коня, поглядѣлъ внимательпо кругомъ, и замѣпивъ вдали между часпымъ лѣсомъ огромную вѣковую сосну, поворошилъ въ шу спорону; но едва конь его сдѣлалъ нѣскольпо шаговъ, какъ началъ чудко озирапся во всѣ спороны, приподнялъ уши, захрапѣлъ и шарахнулсѧ. Всеславъ, схва-

пясь за рукоятку своего меча, кинулъ вокругъ себя зоркой взглядъ, и вдругъ ему показалось, что сквозь частыхъ вѣтвей выглядываетъ уродливое лице прохожаго, который такъ скоро исчезъ при появленіи Спемиды. » Ей-пш, поварищъ! « закричалъ онъ, » добрый человекъ! послушай! « Но вмѣсто отвѣта, вблизи раздался шорохъ, попомъ черезъ минушу, вдали захрустѣлъ сухой валежникъ, и все утихло. Подождавъ нѣсколько времени, Всеславъ пустился далѣе, пробѣжалъ мимо высокой сосны и достигъ наконецъ опушки лѣса, который въ семь мѣстъ окружалъ обширную поляну.

На самой срединѣ сей поляны, подъ тѣнью нѣсколькихъ березъ возвышалась, покрывая зеленымъ дерномъ, могила; надъ нею стоялъ деревянный крестъ, а подлѣ него молодая дѣвушка въ бѣломъ

плащи, похожемъ на Греческой шю-
никъ. Тихой ушрннй въперокъ игралъ
цвѣшнымъ ея покрываломъ; небрежно
закинутое назадъ, оно по заспиало
ея длинныя русые волосы, по обви-
валось вокругъ гибкаго спана. Сло-
живъ креспъ на креспъ руки, она
смошрѣла задумчиво на могилу; круп-
ныя слезы капали изъ полуоткры-
тыхъ глазъ ея, но прелесное лице
дѣвы было спокойно; на ея свѣпломъ
челѣ изображалось какое-то шихое
уньнйе; но эша кропкая печаль не по-
ходила на наше буйное земное горе.

Усльшавъ позади себя шихой шю-
рохъ, она шоропливо обернулась: под-
лѣ нея споялъ Всеславъ. » О! не убѣ-
гай, побудь со мною! « прошепталъ
онъ едва вяшнымъ голосомъ, проспн-
рая къ ней свои руки.

Дѣвушка, которая опбѣжала уже

нѣсколько шаговъ, оспановилась и успрямила свой робкій и недovѣрчивый взглядъ на пререшущаго юношу.

— » Чего ты боишься? « продолжалъ Всеславъ умоляющимъ голосомъ. » И тебѣ ли бояться того, кто любитъ тебя болѣе своей жизни! «

Удивленіе и страхъ изобразились на прекрасномъ лицѣ незнакомки. Она сдѣлала Всеславу знакъ не подходить ближе и продолжала сморщивъ на него молча.

— » Ахъ, вымолви хотя одно слово! « сказалъ тихо Всеславъ. » Я уже слышалъ однажды твой голосъ, но ты говорила не со мною. «

— » Кто ты? « спросила наконецъ дѣвушка. » Я тебя не знаю. «

— » Я Всеславъ! « отвѣчалъ юноша, сдѣлавъ шагъ впередъ.

Дѣвушка вскрикнула отъ ужаса и пустилась бѣжать.

— » Постпой! « сказалъ съ опчаяніемъ юноша, » постпой! возьми хопя назадъ свое покрывало. «

Незнакомка оглянулась и, увидѣвъ въ рукахъ Всеслава свое голубое покрывало, вскричала съ дѣпской радостію: » шакъ, эпо оно! Спасибо, добрый человекъ! Положи его здѣсь на праву. «

— » Но развѣ ты не можешь его взять изъ моихъ рукъ? « сказалъ Всеславъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— » Изъ своихъ рукъ! « повпорила незнакомка съ робостію. » Ты, кажешся, не злой человекъ, « прибавила она, помолчавъ нѣсколько времени; » но рѣчи твои шакъ чудны... я боюсь себя! «

— » Меня?... О, еслибъ ты знала, какъ я люблю себя, по вѣрно бы не

спала бояться. Сколько разъ я приходилъ на эту поляну для шого полько, чшобъ взглянушь на по мѣсто, на которомъ пы спояла, и молишься Тому, кому пы молилась. «

— » Такъ пы не язычникъ? Ахъ, какъ я рада!... Подойди, подойди! теперь я не боюсь тебя. «

Веславъ подошелъ къ дѣвушкамъ. » Вошь пвое покрывало! « сказалъ онъ. » Но если я вижу тебя въ послѣдній разъ, по—не опкажи мнѣ: оспавъ его у меня. «

— » У тебя?... На чпо тебѣ мое покрывало? « спросила съ улыбкою незнакомка. » Развѣ пы дѣвушка? «

— » Я не распался бы съ нимъ всю жизнь мою: оно прикасалось къ тебѣ, пы носила его. «

— » Да! и я очень плакала, когда

его поперяла: мнѣ подарила его ма-
пушка. «

— » А пы живешь вмѣспѣ съ ма-
терью? «

— » Нѣтъ еще, « отвѣчала дѣвуш-
ка, покачавъ печально головою.

— » Такъ вы живете розно? Гдѣ
же она? «

— » Вотъ здѣсь! « шепнула пиho
незнакомка, указывая на могилу. «

— » Такъ она похоронена здѣсь? И
пы, вѣрно, приходишь сюда молишься
ея праху? «

— » О, нѣтъ! я молось не ей, а за
нее. «

— » Какому же пы молишься Бо-
гу? «

— » Какому? развѣ Онъ не одинъ? «

— » И пы знаешь Его? «

— » А какъ же? «

— » Не Его ли пы называла Иску-
пшелемъ? «

— » Да. «

— » Но кпо же Онъ? «

— » На небесахъ, онъ Богъ нашъ,
а на землѣ былъ сыномъ Той, копо-
рую называютъ Пресвяпою. «

— » А какъ зовуть тебѣя? «

— » Я дѣвушка, дочь Алексѣя, ко-
порый живешь въ эпомъ лѣсу; меня
зовуть Надеждою. «

— » Надеждою! « перервалъ съ уди-
вленіемъ Всеславъ.

— » Имена моихъ сесперъ еще луч-
ше, « сказала съ просподушною улыб-
кою дѣвушка: » ихъ зовуть Вѣрой и
Любовью. «

— » Надежда, Вѣра и Любовь! « по-
впорилъ Всеславъ, покачивая недоувѣр-
чиво головою. » Ахъ, счастливъ пошь,
кпо заключаешь ихъ въ душѣ своей!

Но развѣ это имена?... Я вижу, « прибавилъ онъ печальнымъ голосомъ, » пы издѣваешься надо мною. «

— » О, нѣтъ! намъ дали эпи имена въ Византіи. Прежде мы не такъ назывались: меня звали Всемилою, а сесперь моихъ Премиславой и Свѣпланою; но эпи имена языческія: ими грѣшно называться. «

— » Твоего отца зовушь Алексѣемъ; но кто онъ такой? «

— Эпощъ вопросъ смущилъ примѣпнымъ образомъ дѣвушку! Помолчавъ нѣсколько времени, она отвѣчала: » онъ былъ прежде воиномъ, а шеперь кормпился работою. «

— » Но для чего онъ живетъ въ эпощъ дремучемъ лѣсу? «

— » Онъ рубитъ дрова и продаетъ ихъ Кіевскимъ жипелямъ. «

— »И пы живешь съ нимъ въ эпой пуспынѣ? Тебѣ должно бытъ очень скучно? «

— »Да, зимою мнѣ бываетъ скучно: кругомъ насъ воюють волки, ревутъ медвѣди, и на меня иногда находятъ такой страхъ, что я во всю ночь заснуть не могу; но въ землѣ Печеньжской мнѣ было еще скучнѣе. Вотъ, когда мы жили въ Визанціи, такъ намъ было весело. Тамъ оспались мои спаршія сеспры. Когда онѣ вышли замужъ, то опецъ мой приѣхалъ сюда со мною и съ мапушкою; она все посковала, прошлаго года умерла, и теперь я живу съ нимъ одна однихонька, « примолвила Надежда, бросивъ грустный взглядъ на могилу.

— »Но не ужели пы никогда не бываешь въ Кіевѣ? « спросилъ Все-славъ.

— » Иногда по ночамъ я вмѣстѣ съ бапюшкою хожу шуда молишься. «

— » Но по ночамъ всѣ храмы бывають заперты. «

— » О, нашъ храмъ запереть не можно! « сказала съ улыбкою дѣвушка: » въ немъ нѣтъ ни оконъ, ни дверей. Да что ты меня объ эпомъ спрашиваешь? Если ты не язычникъ, по вѣрно приходилъ и самъ шуда молишься. «

— » Да гдѣ же эпо? « спросилъ съ удивленіемъ Всеславъ.

— » На высококомъ берегу Днѣпра, подлѣ Аскольдовой могилы. «

Всеславъ опспушилъ съ ужасомъ назадъ. » Какъ! « векричалъ онъ, » ты говоришь о развалинахъ эпого Христіанскаго храма? «

— » Да. Бапюшка сказывалъ мнѣ, что эпо была сваяная церковь во имя

Чудопшорца Николая. Злой Свяпославъ раззорилъ ее; но благодапъ Божія живепъ и среди ея развалинъ.... Да что съ побой сдѣлалось? Опъ чего пы пакъ поблѣднѣлъ?»

— » Прощай! « прощепалъ глухимъ голосомъ Всеславъ. » Мы больше никогда съ побой не увидимся. «

— » Такъ пы ужъ не хочешъ приходишь молишься на могилъ моей матери? « сказала Надежда, попушивъ въ землю свои крошкѣ голубые глаза.

— » Нѣтъ! « вскричалъ съ опчаянѣмъ юноша. » Я люблю тебѣ, а я не могу и не долженъ тебѣ любить: пы Хриспѣанка! «

— » Такъ чтожь? Мы должны любить и враговъ своихъ; а что я тебѣ сдѣлала?... Я вижу теперъ, что пы язычникъ и мнѣ эпо очень жаль;

но я не спану тебя за это ненави-
дѣшь. «

— » Бѣдная дѣвушка!... Если бъ ты
знала, кому ты поклоняешься! «

— » Я это знаю. «

— » А знаешь ли ты, о чемъ мо-
лятъ всѣ Христиане того, кого они
называютъ своимъ Искупителемъ? «

— » И это знаю; я не разъ слы-
шала, какъ опецъ мой, преклонивъ ко-
лѣна, молилъ его, чпобъ Владиміръ,
Великій Князь Кіевскій... «

— » О, не договаривай!... И пакъ Бо-
гомилъ не обмануль меня.... Про-
щай!... «

Опойдя нѣсколько шаговъ, Всеславъ
не могъ удержаться, чпобъ не взгля-
нуть украдкою назадъ: дѣвушка спо-
яла на прежнемъ мѣспѣ, и робкіе ея
взоры слѣдовали за уходящимъ юно-
шею. Замѣпивъ сіе невольное движе-

ніе, она съ живописію сдѣлала шагъ впередъ, вдругъ оспановилась, и перебирая въ рукахъ своихъ голубое покрывало, сказала въ полголоса: » прощай, Всеславъ! «

Кипо любилъ, поплъ пойментъ все опчаяніе несчастнаго юноши. Онъ слышалъ въ первый разъ имя свое въ успахъ шой, чей образъ сливался со всѣми его надеждами. Онъ встрѣпилъ ее, и долженъ былъ навсегда съ нею распаться: эпа грусть, начерпанная въ голубыхъ глазахъ ея, эпоплъ дѣвственнѣй исполненнѣй унынїа голось, проникъ до глубины его сердца. Ахъ, какіе очаровательные, неземные звуки сравнянся съ голосомъ шой, копорую мы любимъ! Какой смерпнѣй приговоръ ужаснѣе послѣдняго »проспи« для того, кипо, распаваясь на вѣки съ нею, не можетъ въ поже

время распашься и съ своею жизнью! «

— » Проспи, Всеславъ! « повпорила дѣвушка еще печальтѣе; въ глазахъ ея изобразилась какая-то нерѣшимость; казалось, она желала и боялась что-то сказать.... » Но ты забудь, « промолвила она наконецъ тихимъ голосомъ: » возьми же назадъ мое покрывало. «

— » Твое покрывало? «

— » Да! « продолжала дѣвушка, попутивъ глаза. » Вѣдь мы уже больше никогда съ тобой не увидимся. «

— » Какъ! ты отдаешь мнѣ добровольно это покрывало; наследіе швоей покойной матери? «

— » Я и сама не знаю, для чего это дѣлаю; я видѣла себя сегодня въ первый разъ, а мнѣ не хочется, чтобы ты скоро забудь меня. «

— » Ахъ, Надежда! « вскричалъ съ горесцію Всеславъ, подходя къ дѣвущкѣ, » за чѣмъ пы Христіанка, за чѣмъ пы молишься злomu Чернобогу? ... «

— » Кому? « спросила съ удивленіемъ дѣвушка.

— » Ты называешь его другимъ именемъ, но эпо все равно. Мапъ Великаго Князя была моей впорою маперью; онъ воспипалъ меня и я долженъ ненавидѣть его враговъ. «

— » Но кто сказалъ тебѣ... «

— » О, я знаю эпо!... Опецъ его раззорялъ ваши храмы, онъ самъ презираетъ вѣру Христіанскую, пакъ вы должны его ненавидѣть; но, можетъ быть, пы не раздѣляешь злoбные умыслы пвоихъ еднoвѣрцевъ.... Да, да, Надежда! когда они въ молитвахъ своихъ упоминаютъ имя Владиміра,

шы не присоединяешь невинныя мольбы пвой къ ихъ преснушнымъ мольбамъ. «

— » Нѣтъ, я говорю также вмѣстѣ съ другими:—Господи! продли дни Владиміра, умягчи сердце его и просвѣпи душу свѣпомъ испинныя Твоея вѣры. «

— » Возможно ли? « вскричалъ Все-славъ; » вы не клянете, а благословляете имя Великаго Князя? «

— » А какже? Вѣдь онъ нашъ Государь. «

— » И вы не просите вашего Бога сгубить Владиміра? «

— » Сгубить Владиміра? Да развѣ можно Его просить объ эпомъ?... Нашъ Богъ спасаетъ людей, а губить ихъ врагъ Божій, діаволъ—да за по-помы и должны его ненавидѣть. «

— » Но чтоже дѣлаете вы, когда

сбираешь по ночамъ на развалинахъ
вашего храма? «

— » Мы поемъ славу Божию, молимъ
ся Искупителю, величаемъ Матерь
Его, Пресвящую и Пречистую Дѣву. «

— » И вы ничего другаго не дѣлае-
те?... Вы не упиваетесь кровью не-
винныхъ младенцевъ? «

— » Ахъ, что ты говоришь, Все-
славъ! « перервала съ ужасомъ дѣвуш-
ка. » Да проспишь Господь Богъ
твое прегрѣшеніе! развѣ мы дикіе
звѣри? «

— » И такъ все, что я слышалъ
объ ужасныхъ обрядахъ вѣры вашей,
несправедливо? « вскричалъ Всеславъ.
» О, какъ облегчила ты мое сердце!
Я могу любить тебя, не оскорбляя
моей совѣсти, могу назвать отца
твоего моимъ отцемъ и благослов-

ляпъ вмѣстѣ съ нимъ имя Владиміра! «

— » Какъ! « вскричала съ радостію Надежда, » ты хочешь назвать бапюшку опцемъ своимъ? Такъ ты желаешь сдѣлаться Хрисціаниномъ? «

— » Хрисціаниномъ?... повпорилъ съ невольнымъ содроганіемъ Всеславъ.

— » А какже? Всѣ Хрисціане называютъ его опцемъ своимъ. Вѣдь бапюшка мой, « прибавила она въ полголоса, » Іерей! «

— » Іерей? «

— » Да, да! Онъ рукоположенъ въ Визанціи, и если ты хочешь назвать его опцемъ, то долженъ сдѣлаться Хрисціаниномъ. «

— » Нѣтъ, Надежда! я не хочу тебя обманывать, « сказалъ Всеславъ. » Если все неправда, что рассказывали

мнѣ о Христіанахъ, по и погда я не могу бысть своимъ единовѣрцемъ. Сколько разъ я слышалъ отъ Рохдая, Свъшпорада, отъ мудраго Добрыни, отъ всѣхъ виписей Княжескихъ, что вѣра Христіанская не можетъ бысть вѣрою храбрыхъ воиновъ; что Ольгу, какъ слабую жену, могли обольстить въ Византіи; но что сынъ ея, неуспрашимый Свяпославъ, ненавидѣлъ Христіанъ, а внукъ, нашъ Великій Князь Владиміръ, презираетъ ихъ. «

— » И пакъ ты хочешь оспаться язычникомъ? « сказала печально дѣвушка.

— » Да знаю ли я самъ, чего хочу! « вскричалъ съ горестію Всеславъ. » Мнѣ прошивно служеніе богамъ нашимъ, я горю желаніемъ узнать истиннаго Бога; но чему долженъ я вѣрять?... Когда въ первый разъ я уви-

дѣль тебѣ на могилѣ твоей матери...
ты молилась, Надежда... тогда, о!
тогда какъ будто бы густое облако
спало съ очей моихъ! » Вошь она! «
раздался въ душѣ моей пайный, мо-
гучій голосъ, » вошь па, о которой
» посковало твое земное сердце! Мо-
» лись вмѣстѣ съ нею, и ты узнаешь
» Того, о комъ покусеть безмерпная
» душа твоя! « Но ты скрылась отъ
глазъ моихъ, и вмѣстѣ съ побою из-
чезло все; шопъ же непроницаемый
мракъ охватилъ снова и обдалъ хла-
домъ мою душу. Ахъ! я походилъ на
горькаго слѣнца, который прозрѣлъ
на одно мгновение, увидѣлъ свои род-
ныя поля усыянныя цвѣтами, взгля-
нулъ на широкій Днѣпръ, на ясное
солнышко, на всю красу и славу под-
небесную—и снова погрузился въ вѣч-
ный мракъ. Сегодня ты не убѣгала

меня, пвой ласковый взглядъ, пвой привѣпливыя рѣчи—все, даже пвое имя наполнило мою душу какимъ-то радоспнымъ ожиданіемъ. » Она просвѣпила мой разумъ, « думалъ я. » Ея » Богъ буденъ моимъ Богомъ.... « Но пы Хриспianка, « прибавилъ Всеславъ, покачавъ печально головою, » пы служишь Богу, коему поклоняюпся коварные Визанпійцы.... Нѣтъ, нѣтъ! Родай говоришь правду: не приспало чеспнымъ и храбрымъ выпяземъ перенимашь законъ и обычаи иноземныхъ поргашей. Да, Надежда! не можетъ спаться, чпобъ вѣра, копорой васъ учили эппи хипрые, женоподобные Греки, была исппной вѣрою. »

— » Ахъ, Всеславъ, Всеславъ! « сказала Надежда, » душа пвоя жажденъ постигнушь славу Господа нашего, но пбя смущаенъ врагъ Божій. Я про-

спая, неразумная дѣвушка: не мнѣ со-
спязаться съ побою о законѣ на-
шемъ; я умѣю полько любить и вѣ-
ришь. Вотъ если бы пы побесѣдо-
валъ съ опцемъ моимъ.... «

— » Да, Надежда! я желаю узнать
швоего родителя, и если онъ захо-
четъ назвать меня своимъ сыномъ.... «

— » Чу! что это такое? « пере-
рвала дѣвушка; » не звѣрь ли какой? «

Въ близкомъ распояннн послышал-
ся необычайный шорохъ; какой-то
гуль раздался по лѣсу; съ прескомъ
домались сучья, и мѣлкой лѣсъ, разда-
ваясь направо и налѣво, заколебался,
какъ въ сильную бурю.

— » Не бойся, Надежда! мой мечъ
со мною, « сказалъ Всеславъ, вынимая
его изъ ноженъ.

— » Посмотри, посмотри! « шепну-
ла дѣвушка, указывая на опушку лѣса.

Съ лѣвой спороны, шагахъ въ двадцати опъ нихъ, показался изъ-за кустовъ огромной величины медвѣдь; наклонивъ къ землѣ свою космашую голову, онъ споналъ жалобнымъ голосомъ, ревъль и спарался вырвать лапами длинную спрълу, кошорою пробила была его шея. Всеславъ, обнаживъ мечъ, бросился къ нему на вспръчу; но звѣрь, не дожидаясь его, побѣжалъ вкось черезъ поляну и скрылся въ пропивоположномъ лѣсу. » Надежда!... Надежда! « раздался въ шоже время съ правой спороны громкій голосъ » Эпо опецъ мой! « вскричала съ ужасомъ дѣвушка. » Ахъ, Всеславъ! бѣги, спѣши къ нему на помощь! « Но прежде, чѣмъ Всеславъ добѣжалъ до опушки лѣса, съдой спарикъ, весьма просто одѣтый, выщель на поляну. Надежда кинулась къ нему на шею.

» Слава Богу! « вскричала она, » пы не повспрѣчался съ медвѣдемъ! Ахъ, какъ я испугалась! «

» Я шель за побою, « сказалъ спарикъ, » и вдругъ въ пяши шагахъ опть меня пробѣжалъ эпонть дикой звѣрь. О, какъ слаба еще моя вѣра! « прибавиль онъ, обнимая Надежду: » я забыль, чпо безъ воли Божіей и единый волосъ не упрашился съ главы пвоей!... Я испугался за шебя, дочь моя! «

Всеславъ, не замѣчаемый опщемъ Надежды, спояль подлѣ него и смопрѣль съ какимъ-по благоговѣніемъ на величеспвенный и вмѣспѣ кропкій видъ спарца. Онъ былъ високаго роспа; какъ лунь сѣдая борода его опу- скалась до самага пояса; глубокая му- дроспъ изображалась на опкрыпомъ челѣ его, ясномъ и спокойномъ, какъ пшихія осенія небеса; а взоръ, испол-

ненный доброты и прососердечія, казалось, высказывалъ все, что было на душѣ его.

— » Я за себя не боялась, бабюшка! « сказала Надежда, опивчая на ласки отца своего. » У меня былъ защипникъ. «

— » Защипникъ! « повпорилъ спарикъ, поглядывъ вокругъ себя. » Кто это незнакомецъ? « продолжалъ онъ, увидя Всеслава.

— » Его зовутъ Всеславомъ, « шепнула дѣвушка.

— » Надежда! « сказалъ спрогимъ голосомъ спарикъ, » ты знаешь его имя, а отецъ твой слышалъ о немъ въ первый разъ. «

— » Не досадуй на дочь свою, добрый Алексѣй, « перервалъ Всеславъ, поклонясь ласково спарику; » она са-

ма въ первый разъ сегодня говорила со мною. «

— » А успѣла ужь узнатьъ пвое имя и объявишь, какъ зовуть ея опца? «

— » Не сердись, бапюшка! « сказала дѣвушка. » Еслибъ ты зналъ, какой онъ доброй человекъ! Онъ приходилъ сюда одинъ одиноконекъ молился на мапушкиной могилѣ. «

— » Но развѣ онъ зналъ ее? « спросилъ съ удивленіемъ спарикъ.

— » Нѣтъ! « продолжала дѣвушка; » онъ приходилъ сюда только для того, чпобъ помолиться нашему Богу. «

— » Нашему Богу?... Я знаю всѣхъ Хрисціанъ, а не помню, чпобъ когда нибудь видалъ эпого юношу. «

— » Вошь по-по и бѣда, чпо онъ язычникъ. Поговори съ нимъ, бапюшка; шакъ, можетъ спашься, и онъ сдѣлается Хрисціаниномъ. «

— » Да, Алексѣй! « сказалъ Всеславъ; » дозволю мнѣ иногда бесѣдовать съ побою и съ пвоей прекрасной дочерью. «

— » Съ моею дочерью! « повпорилъ спарикъ, и примѣнное неудовольствіе изобразилось на челѣ его. Онъ посмотрѣлъ молча на Надежду—весело и спокойно, какъ невинное дитя, крошечная дѣвушка глядѣла на отца своего. Онъ улыбнулся и обратился на Всеслава своей недовѣрчивый и испытующій взглядъ; ихъ взоры встрѣпились— благородный и опкременный видъ юноши расъялъ въ одно мгновение все подозрѣнія отца Надежды. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ Всеслава: » какой нечаянный случай привелъ его на эту поляну, окруженную со всехъ сторонъ непроходимымъ лесомъ? «

— » Въ первый разъ эпо случилось нечаянно, « отвѣчалъ Всеславъ: » но послѣ я приѣзжалъ сюда для того, чтобъ увидѣть дочь твою. «

— » И пакъ ты сегодня не въ первый разъ ее видѣлъ? « спросилъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ спарикъ.

— » Я видѣлъ ее дней десять по-му назадъ на эпой же самой полянѣ, « продолжалъ Всеславъ; » но сегодня въ первый разъ говорилъ съ нею. «

Спарикъ снова призадумался. » И ты желаешь, « сказалъ онъ наконецъ, усуремивъ пронцапельный взглядъ на юношу, » принять въру нашу? «

— » Нѣтъ, Алексѣй! Я не хочу себя обманывать: я Опрокъ Велико-княжескій, и не могу быть Христіаниномъ. «

— » Дай мнѣ свою руку, Всеславъ! « сказалъ съ привѣпливою улыбкою

спарикъ. » Я вижу, пы не обманщикъ а честный и благородный юноша. Но скажи мнѣ, если пы не хочешь быть Христианиномъ, шакъ что за ушѣха тебѣ, Опроку Велико-княжескому, веспи знакомство и пріязнь съ проспымымъ дровоскомъ? Признайся, пы желаешь бесѣдовать не со мною, а съ моею дочерью? «

— » И съ побою, Алексѣй! Ты былъ нѣкогда, шакже какъ я, вишьяземъ, видѣлъ много знаменитыхъ городовъ, людей иноземныхъ... «

— » Какъ, Надежда! « перервалъ почпи суровымъ голосомъ спарикъ, » пы сказала ему?... «

— » Нѣтъ, бапюшка, нѣтъ! « вскричала съ робоспю дѣвушка; » я ему ничего не говорила; а только сказала, что пы былъ прежде воиномъ. «

— » Не опасайся ничего « продол-

жалъ Всеславъ; » если бы скрываешь свое истинное имя... «

— » Мое истинное имя Алексѣй, « перервалъ спарикъ. » Это имя дано мнѣ при вѣпоромъ моемъ рожденіи. «

— » При вѣпоромъ рожденіи! « повѣпорилъ съ удивленіемъ юноша.

— » Да, Всеславъ. Ты не понимаешь меня; но скажи, какъ назовешь бы самъ по мгновеніе, когда прозрѣвшій слѣпецъ увидитъ впервые свѣтъ, дополь ему неизвѣспный? Не родился ли онъ снова? Не приучается ли онъ, какъ малое дитя, узнавать понемногу, что лазурный, безпредѣльный шаперъ, раскинутый надъ его главою, сіе жилище Господа Бога нашего, наречено небесами; что разсыпанныя по онымъ сверкающія искры, сіи безчисленные свѣспильники, горящіе предъ Пресполомъ Всевьшняго, именуются

звѣздами; что сіе пламенное, неугасяемое горнило, люющее жизнь и свѣтъ на всю вселенную, называется солнцемъ? Скажи, не должно ли казапья сему слѣзцу, что онъ родился снова? «

— » Ахъ, Алексѣй! « вскричалъ съ горестію юноша, » и я пакой же почно слѣпецъ: и моя душа поскуептъ о свѣтъ! «

— » Полно пакъ ли, Всеславъ? « перервалъ съ улыбкою спарикъ. » Не привыкла ли она къ попемкамъ? Когда наше земное, скудельное пѣло обуяептъ лѣнь, пакъ ему и дневный свѣтъ не взмилипся; ночью спи, да прохладжайся сколько хочепъ; а днемъ надобно бодреспвопапъ и рабобапъ. Въдь и душа-по наша подь-часъ не лучше пѣла: какъ полюбипся ей дремапъ въ шемнопѣ, пакъ не вдругъ ее добу-

дишься; да и будишь-то надо съ опасеніемъ: не въ мѣру яркой свѣтъ не просвѣпишь, а развѣ ослѣпишь ее. Послушай, Всеславъ, ты вѣрно успалъ и желаешь подкрѣпить себя пищею: ты привыкъ пировать въ черпогахъ Княжескихъ; но если не погнушаешься нашей убогой прапезы, пакъ милоспи прошу въ мою хижину. Да не погнѣвайся, молодецъ — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.»

Всеславъ, принявъ съ благодарностію предложеніе Алексѣя, опвязалъ коня своего, и ведя его въ поводу, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ опушкѣ лѣса, копорая опоясывала съ полуденной спороны поляну. Въ то же самое время на противоположной споронѣ изъ-за деревьевъ показался человекъ необычайнаго роспа, въ пешпрѣй рубашкѣ, сверхъ копорой на-

кинуло было верхнее плащье темна-
го цвѣта. За его украшеннымъ мѣд-
ными бляхами поясомъ закинуто бы-
ло нѣсколько спрѣль; изъ-за широкихъ
плечъ видѣлся длинный лукъ, а въ
правой рукѣ своей онъ держалъ на пе-
ревѣсь полспую охотничью рогати-
ну. Увидѣвъ Всеслава, который обер-
нулся, чпобъ сказать чпо-то Наде-
ждѣ, опспавшей на нѣсколько шаговъ
позади, колоссальный незнакомецъ ука-
залъ на него пальцемъ и спросилъ въ
полголоса: »эпо онъ? « — » Да, онъ! «
опвѣчалъ кпо-то шопопомъ, и изъ-
за густаго орѣшника высунулось без-
образное лице прохожаго, въ копо-
ромъ чипапели наши, вѣрояпно, давно
уже узнали служипеля Верховнаго
жреца, Торопку-Голована.

VII.

Едва замѣтный слѣдъ, по которому шелъ Всеславъ съ Алексѣемъ и его дочерью, довелъ ихъ въ нѣсколько минутъ до широкаго оврага. Опусаясь по узенькой пропашкѣ на самое его дно, они пошли берегомъ неболь-

шаго ручья, которъй по терялся среди мелкихъ кустовъ дикой черешни и колючаго шерновника, по появлялся снова; въ одномъ мѣспѣ, выспуная изъ береговъ своихъ, онъ разливался по низменному лугу; въ другомъ, извиваясь посреди большихъ деревьевъ, подмывалъ длинные корни дупловою ивы, или журчалъ подъ пѣнью высокаго клена. Дойдя до пого мѣспа, гдѣ ручей, покидая русло свое и разливаясь во всѣ стороны, соспавлялъ довольно обширный прудъ, Алексѣй оспановился. » Вошь моя хижина, « сказалъ онъ Всеславу, указывая на пропывуположный сканъ оврага, которъй въ семь мѣспѣ приличне было бы названъ глубокой долиною. Алексѣй поднялъ глаза и увидѣлъ небольшую избушку, обнесенную высокимъ и крѣпкимъ пьномъ. Тѣви-

спыя липы осыняли ее съ прехъ споронъ; нѣсколько повъше спояла другая хижина, гораздо менѣе первой; надъ ея кровлею возвышался деревянный креспъ, а внупри шеплился слабый огонекъ. Перейдя черезъ ручей, по узкому мостыку, наспланному изъ необпесанныхъ бревень, они начали по-пихоньку взбираться на пропывуположный скапъ оврага. » Надежда! « сказала спарикъ, когда они подошли къ избушкѣ; » пока я буду бесѣдовать съ моимъ госпемъ, спупай и позабосья о нашей прапезѣ. « Дѣвушка побѣжала впередъ исполнить приказаніе опца, а спарикъ и Всеславъ вошли въ хижину.

Въ небольшой, но чиспой свѣтелкѣ, копорая опдѣлялась низкими сѣнями опъ черной избы, споялъ окруженный скамьями споль; въ переднемъ

углу, передъ двумя образами Греческой живописи и мѣднымъ распятіемъ, горѣла лампада. Войдя въ свѣщницу, спарикъ поклонился святымъ иконамъ, и осѣнивъ прижды грудь свою знаменіемъ креста, сказалъ, обращаясь къ Всеславу: » да благословишь шебя Господь, если ты безъ лести и лукавства, а съ чистымъ сердцемъ посѣпиль убогую хижину немущаго! Сядь, опдохни, и да будетъ миръ съ побою! «

— » Со мной! « сказалъ Всеславъ, покачавъ сомнительно головою; но въ то же время какая-то тишина и душевный миръ, не похожіе на наше земное обманчивое спокойствіе—это минутное усыпленіе спраспей, всегда гошovýchъ пробудисься, — наполнили кропкимъ веселіемъ его сердце. Онъ взглянулъ въ открытое окно хижины:

свѣпмыя небеса, радостное щербепанье ппичекъ, журчанье быспраго ручья, глубокая долина, зеленый, пѣниспый лѣсъ—казалось, все повпорило ему вмѣспть со спарцемъ: » да будепть миръ съ побою! «

— » О, какъ хорошо у шебя, мой опець! « сказалъ юноша, приложивъ руку къ успокоившейся груди своей. » Посмопри, какъ песпрѣюпть пшамъ вдали, по берегу ручья, эппи яркіе лазоревые цвѣпы! Какой прохладой вѣепть изъ эппой долины! Какъ ясны здѣсь небеса! О, какъ хорошо у шебя! « повпорилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Спарикъ улыбнулся. » Да! « сказалъ онъ, » пеперь все ожило и цвѣпепть вокругъ моей хижины; но зимою, когда по лѣсу бушуепть вѣшеръ, а вдоль оврага рьшупть и воюпть голодные

волки, не только моя дочь, но и я
грѣшу предъ Господомъ, и мнѣ подѣ
часть спановицся скучно. «

— » Для чего же, Алексѣй, « спросилъ Всеславъ, садясь прошивъ спарика, » пы живешь круглый годъ въ эпомъ дремучемъ лѣсу? Ты могъ бы зимою переѣзжать на жишье въ Кіевъ. «

— » И сморѣшь на богопрошивныя жерпвы, приносимыя богамъ вашимъ! « перервалъ спарикъ. » Нѣтъ, Всеслав! я живу здѣсь одинъ съ моею дочерью; но мнѣ опраднѣе скучать въ эпой пуспынѣ и слышать опврапипельный ревъ дикихъ звѣрей, чѣмъ веселишься въ вашемъ Кіевѣ и внимаешь буйнымъ пѣснямъ народа, копорый въ слѣпотѣ своей, величаетъ богами бездушныхъ испукановъ. «

— » Но какое тебѣ дѣло, Алексѣй, въ кого вѣруютъ Кіевляне? Развѣ не вездѣ народъ имѣеть своихъ собспвенныхъ боговъ? Варяги поклоняюся Одену; западные Славяне чпяють Свѣповида; въ Репрѣ моляюся Богу Родегаспу; Греки, которыхъ вѣру исповѣдуешь и ты, имѣють пакже своего Бога. «

— » Богъ одинъ, Всеславъ! « перервалъ кропкимъ голосомъ спарикъ. » Всѣ народы называютъ посвоему дневное свѣшило, но развѣ не по же самое солнце, которое освѣщаетъ нашу землю, свѣшишь и у Варяговъ, и у западныхъ Славянъ, и въ Репрѣ, и въ Греціи? Развѣ не все повинуется единому закону? не все идетъ своей чредой? не вездѣ ли мы родимся съ плачемъ и умираемъ въ скорбяхъ и болѣзняхъ? не вездѣ ли, проходя жи-

зненнымъ пупемъ, мы встрѣчаемъ одни и пѣ же радости, одну и шу же печаль? Въ юности насъ борящъ спра-спы, въ старости подавляющъ злые недуги. Та же самая жизнь, копорая двигаешъ и заспавляетъ пресмыкающъся во прахъ ничпожнаго червяка, расширяешъ мочныя крылья поднебеснаго орла. Посмотри, какъ спройно пекупъ по небесамъ воздушныя свѣпила! Обращающъ ли рѣки когда нибудъ вспашъ? цвѣтущъ ли зимою деревья? не вездъ ли день смѣняешъ ночью, а послѣ ночи наспунаешъ новый день? И пы думаешъ, Всеславъ, что не одна вседержавная десница, не одинъ Всемогущій Богъ хранищъ сии предвѣчные законы, управляешъ вселенною и держищъ въ рукѣ своей жребій всѣхъ царствъ и народовъ земныхъ? Чпо значищъ вашъ великій Кіевъ пе-

редь гордой Визанціею? Чпо сама Визанція передь древними Оивами, Персеполисомъ и Вавилономъ? Чпо всѣ сїи города, чпо вся земля наша въ сравненїи съ безпредѣльными небесами? А испытай посадишь въ Кїевъ двухъ Великихъ Князей — и пы увидишь погда, сольюпся ли въ единую волю двѣ власпи и два могущесива, равные между собою? «

— » Ахъ! « сказалъ Всеславъ, » тебѣ не нужно убѣждать меня въ эпомъ. Давно уже я не могу молишься богамъ нашимъ: душа моя жаждетъ познашь истиннаго Бога. Но кпо Онъ, кпо эпомъ Непоспижимый, и почему я долженъ скорѣе вѣришь словамъ швоимъ, чѣмъ словамъ другаго? «

— » Такъ пы желаешь познашь истиннаго Бога? « спросилъ Алексїй,

успремивъ на юношу свой взоръ, исполненный надежды и веселія.

— » О, Алексѣй! Я опдалъ бы за эпо жизнь мою; но при одной мысли объ эпомъ смущается мой разумъ, сердце рвется, поскуешъ, и я перяю всю надежду... «

— » Не унывай, Всеславъ! « перервалъ спарикъ, положивъ ласково свою руку на плечо юноши. » Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насыпятся, « » сказалъ Топъ, чьи слова не прейдунъ, какъ преидеть сей мръ и всъ живущіе въ ономъ. Но чпобъ найдши, надобно искашь, Всеславъ. Ты не доволенъ своею вѣрою, а спарался ли пы узнавать, въ чемъ соспоишь вѣра другихъ народовъ? желалъ ли пы просвѣпшишь пвой разумъ, бесѣдуя съ людьми опыпными и мудрыми? «

— » Нѣтъ, Алексѣй; я мало помышлялъ объ эпомъ. «

— » Но не ужели ты думаешь, что, пируя съ друзьями своими, потѣшаясь охопою, или удальствомъ на игрушкахъ богатырскихъ, упоая средн забавъ и утѣхъ мірскихъ, ты достигнешь сіе великое панство, сокрышное на небесахъ и чуждое всего земнаго? Еслибъ какой нибудь сирота, узнавъ, что опецъ его, котораго онъ никогда не видалъ, живъ, но обипаешь въ спранъ ему неизвѣстной: не оставилъ ли бы свой домъ и не пошелъ бы искать его по свѣту и распрашивавъ всѣхъ о его жилищѣ, а спалъ бы только вздыхавъ и посковавъ о немъ, лежа спокойно на своемъ роскошномъ ложѣ.... «

— » О, я понимаю слова твои! « перервалъ юноша. » Ты называешь Его

Опцемъ.... Ахъ! никогда Богомилъ не говорилъ мнѣ ничего подобнаго: онъ училъ меня не любить боговъ, но бояться и препенашь ихъ. « — » Одни пресупные рабы и лукавые наемники не любятъ и боясь своего господина, « перервалъ съ сильнымъ чувствомъ спарикъ. » Кпо прильпился къ нему всей душою своею, пошь не рабъ, не наемникъ, а домочадецъ его. Да, Всеславъ! Тотъ, кого мы называемъ Опцемъ и Господиномъ, желалъ, какъ коконъ, собрать подъ крылья свои всѣхъ сыновъ земли; Онъ пришелъ не губить, а спасать людей; Онъ радуется раскаянію грѣшника, и шребуесть любви его; а не богахъ даровъ и жершвъ, которыми вы спараетесь задобрить боговъ вашихъ. « — » Но о комъ ты говоришь, Алѣк-

сый? « спросил съ удивленіемъ юноша.

— « А вошь послушай, Всеславъ! Далекъ, очень далекъ опсюда, близъ одного знаменишаго города, о копоромъ, я думаю, ты никогда и не слыхивалъ, пому назадъ давнымъ давно, родился дивный младенецъ. Онъ былъ рода незнашнаго, явился на свѣтъ не въ черпогахъ Княжескихъ, но подъ убогимъ кровомъ нищепы; Его колыбелью было не пышное ложе, но проспя деревянныя ясли. Первые, воздавшіе ему должную честь, были не Князь, не Бояре, но бѣдные, неимуще папухи. Такъ принятъ онъ былъ на земль, но не по происходило на небесахъ. Невиданная дополь звѣзда явилась и попекла огнь воспока, чпобъ оспановишься надъ кровлею, подъ копорую явился сей младенецъ;

и въ то же время незримые лики Ангеловъ Господнихъ воспѣли: » Слава въ вышнихъ Богу, земль миръ, и челоуѣкамъ благоволеніе. « Когда онъ возмужалъ, то явился посреди народа и спалъ учипъ его; но ученіе его не походило на мудроспъ челоуѣческую: не хипрымъ краснорѣчіемъ онъ увлекалъ сердца народныя,—нѣтъ! Его слова были понятны для всѣхъ; Онъ говорилъ просто, и слушая его, добрые спановились добрѣе, а злые и надменные смущались; ибо онъ видѣлъ глубину коварныхъ сердець ихъ. Онъ шелъ—и какъ плодошворная рѣка, выступуная изъ береговъ своихъ, оживляетъ кругомъ изсохшій опъ зной поля,—накъ разливались свѣтъ и добро на пупи его. Онъ предпочипалъ нищаго богашому, смиреннаго раба власполюбивому господину, и кающагося пре-

спутника надменному горделивцу, исполняющему законъ. Всѣ спраждущіе, недужные, гонимые людьми, покинутые міромъ, спекались къ нему полнами. Однимъ онъ возвращалъ здоровье, другимъ упѣшалъ и называлъ дѣльми своими. Онъ говорилъ проливающимъ слезы: » блаженны плачущіе, ибо они упѣшася; « крошкимъ и смиреннымъ: » блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ естъ Царствіе небесное; « любящимъ миръ и согласіе: » блаженны мирошворцы, ибо они нарѣкутся сынами Божиими. « Милоспивымъ обѣщаль помилованіе, гонимымъ за правду, вѣчную награду на небесахъ. Онъ повпорялъ безпреспанно: » любите другъ друга; « и поучая народъ, говорилъ: » любите врагъ » говъ вашихъ, благословляйте клану » щихъ васъ, благопворите ненавидя » щихъ васъ, и молишесь за обижаю-

» шихъ васъ: да будете сынами Отца
» вашего небеснаго; ибо Онъ великъ во-
» сходишь солнцу своему надъ злыми и
» добрыми, и посылаетъ дождь на
» праведныхъ и неправедныхъ. «

Въ продолженіи сего разсказа, Все-
славъ, успремивъ неперпѣливый взоръ
на Алексѣя, едва переводилъ дыханіе;
каждое слово спарца повпорялось въ
душю его. Любилъ враговъ своихъ,
предпочишашъ малыхъ и неимущихъ
великимъ и богатымъ сего міра, — все
это казалось споль необычайнымъ
и споль дивнымъ Всеславу, что онъ
не могъ удержаться, чтобъ не пере-
рвалъ слова спарика. «Ахъ, мой отецъ!»
сказалъ онъ, «какъ счастлива спрана,
гдѣ родился сей добродѣтельный мужъ!
О! вѣрно народъ избралъ его въ Цари
свои? «
«—» Нышъ, Всеславъ! Ожеспочен-

ные сердца не вняли гласу истины. И могли ли рабы буйныхъ спраспей не возненавидѣть сѣ Чадо Предвѣчнаго Свѣта? Безпорочный, онъ возспаль среди народовъ—и обличенный порокъ закипѣлъ мещю. Вся жизнь его, какъ дневный свѣтъ для очей зловѣщаго дива (*), была казнію и нестерпимымъ укоромъ для сихъ зазубьдлыхъ сыновъ пшмы и разврапа. Образецъ всѣхъ добродѣтелей, непричастный ни одному изъ грѣховъ земныхъ, онъ открываль свои обьяпія кающемуся грѣшнику, согрѣваль на груди своей злополучнаго и благословляль слезы спраждущихъ. Онъ былъ мудрейшимъ изъ людей, и какъ просподунное диня, любилъ окружашь себя невинными младенцами; и шопь, чья ду-

(*) Филвнъ.

ша была всегда исполнена состраданія къ бѣдспвіямъ другихъ, осмался швердъ и непоколебимъ среди неизрѣченныхъ мукъ и шерзаній... «

— » Какъ! « вскричалъ Всеславъ, » сей добродѣпельный мужъ... «

— » Погибъ смерпію преспутника! « перервалъ спарикъ. » Злые, надмѣнные и лицемѣры возспали прошивъ него шлопою, оклевепали праведника, и шма воспоржеспивовала надъ свѣшпомъ. Но непродолжипельно было поржеспво ея: изведенный на лобное мѣспо изъ града, гдѣ каждый шагъ его былъ ознаменованъ добромъ, онъ былъ преданъ поносной казни, посреди двухъ уличенныхъ разбойниковъ... «

— » Злодѣи! « вскричалъ съ ужасомъ юноша. » О, какъ должно было загремѣть проклятіе сего праведника

и проклятіе Божіе надъ главами сихъ нечеспивцевъ! «

— » Нѣтъ, Всеславъ! онъ шель на сію вольную смершь, какъ кропкій агнецъ, какъ посредникъ между неба и земли, какъ очиснительная жерпва за беззаконія челоуковъ. Пригвожденный ко креспу, умирая смерпшо преспущника, онъ не проклиналъ, а благословлялъ убійць своихъ, и послѣдними его словами были слова милосердія. «

— » Благословлялъ убійць своихъ? О, нѣтъ, мой опецъ! « вскричалъ Всеславъ, вскочивъ съ своего мѣспа, » пы издѣваешься надо мною. Нѣтъ, нѣтъ! невозможно! нельзя челоуку бышь споль добродѣпельнымъ! «

— » А если онъ, « продолжалъ Алексѣй » во время своей жизни единымъ словомъ изцѣлялъ разслабленныхъ,

прикасался рукою — и слѣпый опъ
рожденія прозрѣвалъ; говорилъ: » воз-
спань! « и мерпвые воспавали; если
онъ самъ на прешій день воскресъ
изъ мерпвыхъ и, окруженный сла-
вою, въ поржеспивѣ вознесся на небе-
са... «

— » Чпо ты говоришь Алексѣй?... «

— » Да, Всеславъ! « продолжалъ спа-
рикъ, глядя приспально на юношу;
» если эпопъ Праведникъ... былъ
Богъ? «

— » Богъ!... « повпорилъ Всеславъ
прерывающимся опъ сильного чувспа-
ва голосомъ. Онъ замолчалъ; щеки его
пылали, грудь волновалась; убъжденная,
гоповая принялъ въ себя небесную
испину, душа его боролась еще съ
помыслами земными. Вдругъ взоры его
заблеспали, слезы брызнули изъ глазъ.
» Богъ Опець! « сказалъ онъ въ пол-

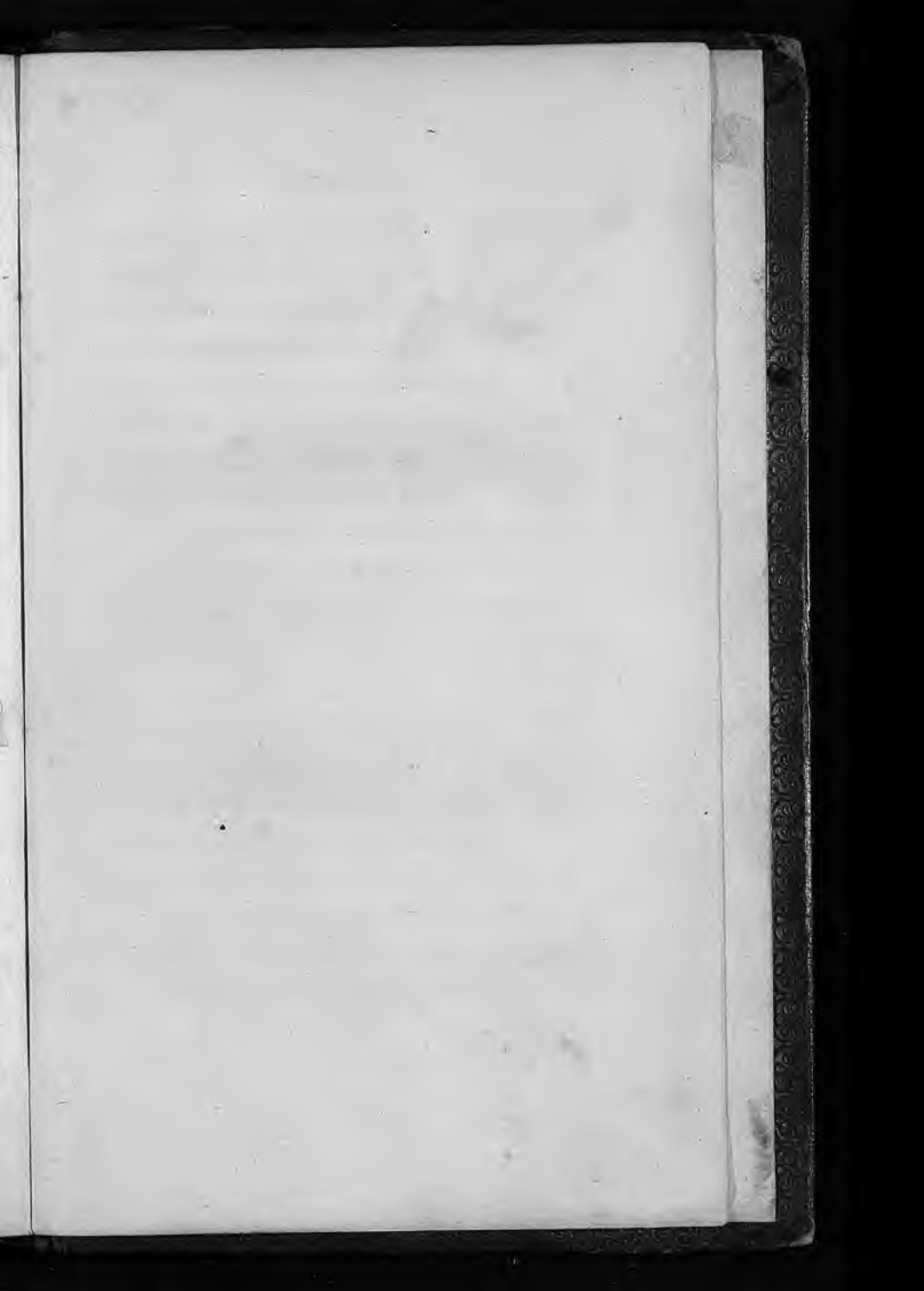
голоса; » Богъ любви и милосердія!...
Такъ, эпо Онъ!... эпо Топъ, о комъ
скорбѣла душа моя!... «

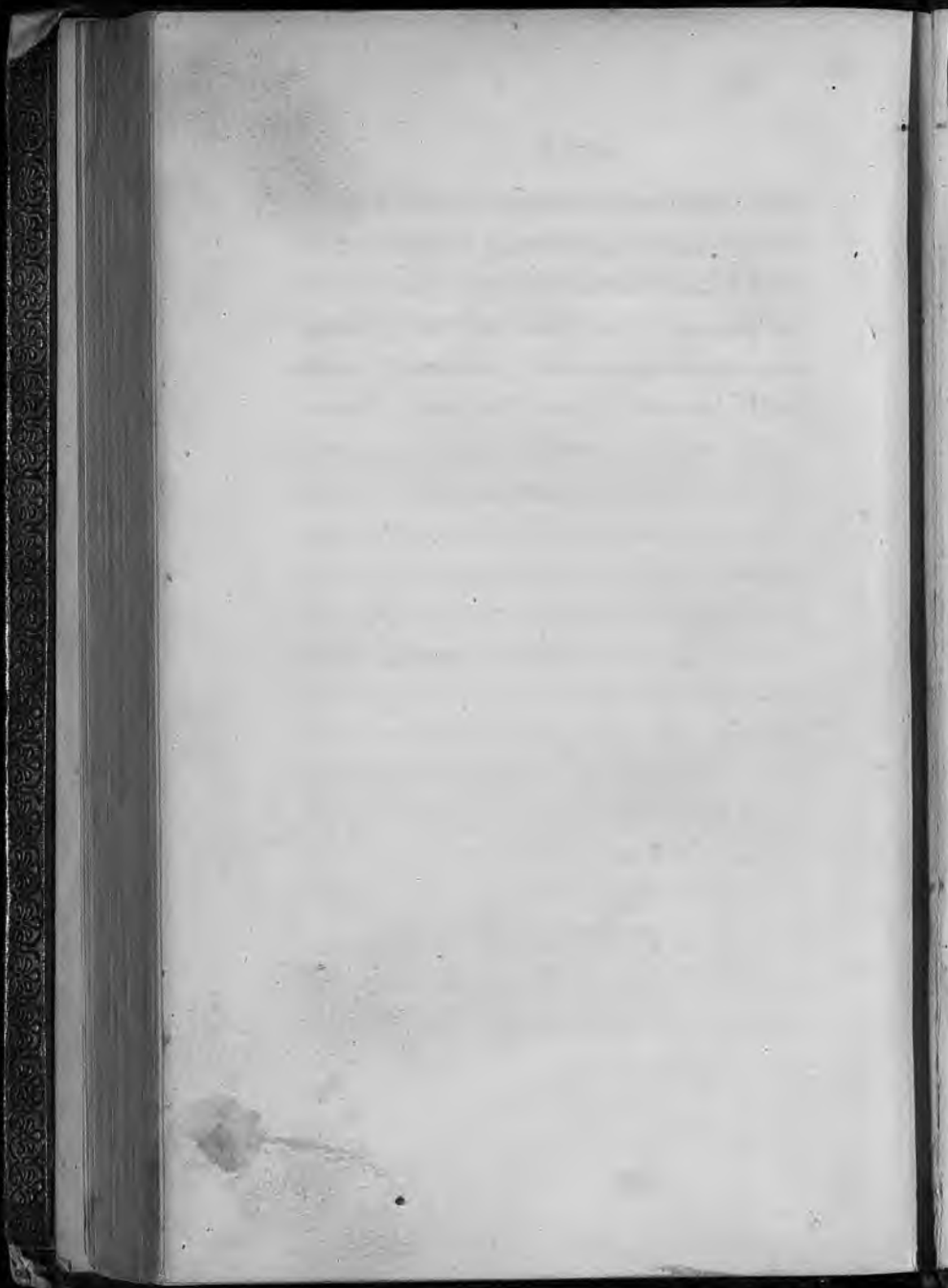
Лице старца просіяло; слезы радости,—слезы, коимъ завидуютъ сами
жиители небесныя, полились изъ очей
его. » Благословенъ Господь! « восклик-
нулъ онъ, успремивъ ихъ къ небесамъ.
» Лучъ свѣта Твоего проникъ въ ду-
шу сего прозрѣвшаго младенца!... Онъ
позналъ Тебя, Непоспѣжимый!... О,
взыграйте, Силы Небесныя! возрадуй-
ся, Опець! Еще единымъ чадомъ
умножилось семейство Твое! Такъ,
сынъ мой! сей Праведникъ былъ Богъ
и сей Богъ, сей Царь славы, естъ не-
птинный и единый Господь нашъ! «

— » Но какъ зовутъ Его? « вскри-
чалъ Всеславъ. » О, мой опець! ска-
жи, наименуй мнѣ Того, предъ кѣмъ
я горю излипъ всю душу мою! «

— » Онъ Искупитель нашъ! « ска-
заль Алексѣй крошкимъ голосомъ, ис-
полненнымъ неизъяснимой любви; » Онъ
кровію своею омыль первородный
грѣхъ человѣка; Онъ сидишь на не-
бесахъ одесную Отца своего; Онъ
Сынъ и Слово Божіе... Его имя:
Иисусъ Христосъ! «

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

9870/9786

№ 3
Г. ИЮЛИ 9

40-00

